

ТАТЬЯНА СОЛОДКОВА

НАТУРАЛЬНЫЙ
ОБМЕН

Татьяна Солодкова

Натуральный обмен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73144213

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если миры не параллельны, как считают многие? Что, если они попарны? Два мира тесно связаны между собой, а в них живут люди, как две капли воды похожие на двойников из другого мира. Ливень в одном мире вызывает засуху в другом, а смерть одного двойника неминуемо отражается на втором...

А что, если тебе семнадцать, и накануне последнего звонка в твоём доме появляется самый настоящий волшебник из другого мира и просит тебя пойти с ним? Твой двойник, наследный принц, пропал без вести, и от тебя требуется сущая мелочь – сыграть его всего-то три дня, а потом тебя вернут в тот же миг, из которого забрали. Потратил бы ты какие-то несколько дней, чтобы спасти целое королевство?

А что, если три дня – всего лишь уловка, чтобы заманить тебя туда, откуда ты больше не сможешь вернуться домой?

(Книга написана в 2013 г.)

**ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ
СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

Содержание

Часть 1. Двойник	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	79
Глава 5	98
Глава 6	123
Глава 7	145
Глава 8	162
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Татьяна Солодкова

Натуральный обмен

Часть 1. Двойник

Если вас никто не любит,

будьте уверены, это ваша вина.

Ф. Родригс

Пролог

Последние лучи заката мягко озаряли башню королевского замка. Отсюда открывался великолепный вид на город и на далекую полосу леса. Внизу кипела жизнь, а здесь, наверху, было тихо и спокойно – тут можно было подумать.

На увитом плющом балконе стояли двое: высокий длинноротый старик в темной мантии и плотный мужчина в монашеской рясе, ростом достигающий первому едва ли до плеча. Оба молчали, задумчиво глядя вдаль. Невысокий тербил большой деревянный крест у себя на груди.

Он заговорил первый:

– Тянуть больше нельзя...

А потом крепко сжал губы, будто сам испугался своих слов.

– Ты прав, – тихо отозвался старик, – мы слишком долго работали, чтобы отказаться в последний момент.

– Господь простит нас, – несколько неуверенно ответил собеседник. – Он увидит, что у нас благие намерения, и простит нас. Я буду молиться.

Старик поежился, но совсем не от холода.

– Может, Господь и простит нас, – пробормотал он. – А мы сами себя? Это же не просто так, это человеческая жизнь. Думаешь, тот ни в чем не повинный юноша когда-нибудь нас простит?

– Мы будем молиться, – повторил невысокий. И, помолчав, добавил: – К тому же мы оба знаем, что юноше уже не придется нас прощать.

От этих слов старик вздрогнул, но промолчал.

Глава 1

Я стоял перед огромным зеркалом в старинной резной раме. Зеркало отражало высокого худощавого парня с всклокоченными светло-русыми волосами, с серыми глазами, одетого в растянутый свитер, джинсы, кроссовки, – все как обычно. Я ехидно подмигнул своему отражению, но оно не повторило мой жест, напротив, нахмурилось, а брови угрожающе сошлись на переносице. По спине пробежал холодок, тут же превратившийся в настоящий животный ужас.

Я рванулся от зеркала прочь, но не смог сделать и шага – что-то удерживало меня, заставляя по-прежнему стоять перед своим ожившим отражением, которое, в свою очередь, ничего не ограничивало: мой двойник шагнул ко мне с самым решительным видом.

И тогда, размахнувшись, я ударил по гладкой поверхности, разбивая руки в кровь. Зеркало брызнуло в ответ миллионами осколков. Они сыпались отовсюду, впивались в лицо, голову, руки...

Я закричал и проснулся. Сердце отчаянно колотилось в груди.

Осмотрелся: я лежал на кровати в своей комнате, на мне те же джинсы и свитер, что и во сне, но настолько измятые, что в их реальности можно было не сомневаться – вчера я зачитался и уснул, даже не переодевшись. Распахнутая книга

все еще лежала на моей груди.

– Черт-те что, – пробурчал я, садясь. Провел рукой по лицу, пытаюсь прийти в себя, потому что сон все еще не шел из головы. Это же надо было такому присниться. Нет, мне и раньше частенько снились странные сны, но этот был особенно реальным.

В квартире стояла звенящая тишина: ни шороха, ни единого скрипа. Значит, мама уже ушла на дежурство в больницу. Интересно, не стала меня будить или не добудилась? Она уже несколько раз рассказывала, что не смогла меня разбудить, потому что я отбивался. А все почему? Потому что стресс! Никто молодежь не щадит.

Посмотрел на часы на прикроватной тумбочке и снова выругался. Да что за непруха? Девятый час, а в восемь нужно было быть в школе – сегодня репетиция последнего звонка, и всех обязали явиться к первому уроку.

Вскочил с постели и бросился переодеваться. Опять опоздал и услышу о себе в школе много «хорошего», нового, конечно, вряд ли – за десять лет учебы я, наверное, выслушал о себе уже все.

Я был из тех, кого считают оболтусами, «учительским горем» и «маминым разочарованием». Когда мои одноклассники читали «Войну и Мир», я зачитывался «Хрониками Амбера», когда готовились к экзаменам – играл в футбол. Были на моем счету и разбитые школьные окна, и взорванный кабинет химии, и костер в спортзале, а также драки на

территории школы. Раньше моя мама была постоянным гостем педсоветов, но ближе к старшим классам учителя отчаялись и смирились с тем, что меня не переделать, и оставили мою бедную мать в покое. Наверное, в этом году, когда я получу аттестат, весь педагогический персонал трижды перекрестится и вздохнет с облегчением...

Я носился по комнате взад-вперед, хватая на ходу вещи. Школьной сумки в пределах видимости не обнаружилось, значит, бросил ее вчера в прихожей. И я понесся туда.

Пробегая по залу со скоростью очумелой белки, зацепился за ножку журнального столика и кубарем полетел головой вперед. Голову себе все-таки не разбил, успев выставить руки, но столик со всем, что на нем стояло, снес к чертовой матери.

Медленно поднялся с пола, потирая ушибленное колено, и осмотрел место моей битвы с журнальным столиком. Потери: разбитая ваза, рассыпанная по всему ковру стопка газет и журналов. Сам столик при столкновении с противником не пострадал – отделался легким испугом.

Я со вздохом принялся собирать журналы. Бежать на кухню за веником было некогда, поэтому смел осколки вазы газетами, орудуя одной как метлой, а второй как совком. Выкинул осколки вместе с газетами в мусорное ведро и помчался обратно в свою комнату.

Снова пробегая мимо места моего падения, я остановился, как вкопанный. Вот же засада! В спешке я не заметил

еще одну жертву разрушений – папино фото. Рамка улетила в угол комнаты, стекло разлетелось на куски, да еще так «удачно», что пропорол фотографияю прямо посередине.

Я поднял остатки рамки, испытывая одно желание – провалиться сквозь землю. Это было старое фото, сделанное еще тогда, когда не знали цифровых носителей. Пленку, естественно, давно потеряли, а потому эта фотография была единственным экземпляром, не подлежащим восстановлению. Мама очень любила это фото, на ней папа был запечатлен еще совсем молодым – улыбчивый подтянутый парень в летной форме возле блестящего истребителя... На одном из таких он и разбился, когда мне было семь.

Я плохо его помнил, большую часть информации о нем получил благодаря рассказам матери, а не по собственным воспоминаниям. Я даже скорее не тосковал по нему как по человеку, а периодически жалел сам себя из-за того, что у меня нет отца. Однако, несмотря ни на что, сейчас у меня появилось стойкое ощущение, что я совершил нечто недопустимое, кощунственное.

Злой на себя и свою неуклюжесть, вернул изуродованную рамку с фотографией на столик и в ужасном настроении поплелся в школу. Можно было не сомневаться, вечером мама еще выскажется этому поводу.

Я вбежал в школу как раз во время звонка, возвещающего

о начале второго урока, и понесся в спортзал, где и должна была происходить репетиция последнего звонка.

Весь наш класс был в сборе. Впрочем, ничего удивительного, это же только я местное исчадие ада.

Несмотря на то, что все неорганизованно шастали по спортзалу, собираясь в привычные группки единомышленников, мое появление не осталось незамеченным. Маргарита Сергеевна, наша классная, тут же устремила на меня гневный взгляд: осмотрела с головы до пят и нахмурилась еще больше.

– Дёмин! – тон ее голоса не предвещал ничего хорошего. – Мало того, что ты опоздал на целый час, так ты еще и без формы!

Я закатил глаза. Ну, понеслось! Некогда мне было с утра форменные брюки наглаживать, я их, кажется, даже с балкона не снял...

– Маргарита Сергеевна, неучебные дни же, – заныл я. Но мой финт не прошел, видимо, с утра классную уже кто-то разозлил, и она решила отыграться на мне.

– Ничего не хочу слышать, – грозно отрезала она. – К директору, живо!

Учительница сложила руки на груди с таким видом, будто, начни я брыкаться, она оттащит меня туда за волосы.

– Да ну вас, – обиделся я и побрел к выходу.

Мог, конечно, отмахнуться от всех и отправиться домой отсыпаться, но не хватало еще, чтобы они нашли какую-ни-

будь причину не допустить меня к экзаменам. А остаться на второй год в одиннадцатом классе – та еще перспективка.

В кабинете директора я был частым гостем. Когда женский персонал школы не мог со мной сладить, меня непременно отправляли сюда, будто директор мог как-то на меня повлиять. По правде говоря, Глеба Ивановича боялись многие. Про себя могу сказать, что просто его недолюбливал. У мужика, отдавшего школьной стезе тридцать лет своей жизни, напрочь отсутствовало чувство юмора, зато с фантазией было все в порядке – его наказания всегда были самыми изощренными.

Я без стука толкнул деревянную дверь с табличкой: «Директор. Проскурин Г. И.» Директор сидел за своим рабочим столом, разбирал какие-то папки. Он удивленно вскинул голову на скрип петель, а увидев меня, поджал губы и отложил бумаги в сторону.

– Дё-ёмин, – произнес он мою фамилию на манер самого гнусного ругательства.

– Здравствуйте, Глеб Иванович, – поздоровался я без всякой интонации.

После сих приветствий последовал осмотр: глаза директора прошлись по мне, словно рентгеновские лучи, затем он хмыкнул и указал на стул напротив его стола.

– Что ж, садись, – сухо произнес Проскурин, и я впер-

вые понял, почему его все так боялись. Щупленький невысокий мужчина преклонного возраста, но всегда так спокоен и сдержан, что совершенно невозможно определить, что у него на уме. Директор откинулся на спинку своего стула и сложил пальцы рук домиком, при этом не прекращая сверлить меня взглядом. – Сам пожаловал или прислали? – поинтересовался он.

Можно подумать, я бы пришел сюда по доброй воле. Я уже вообще проклял себя за то, что так добросовестно бежал в школу, хотя и проспал. Надо было сказаться больным и не высовывать из дома носа. Хоть выспался бы...

– Маргарита Сергеевна прислала, – признался я. Раз уж пришел, смысла врать и изворачиваться не было.

– И за что же? – Мне показалось, что в его прищуренных глазах промелькнули веселые искорки.

Что ж, может, еще и пронесет, раз директор в хорошем настроении?

Я сделал честные глаза и выдал:

– Не знаю, я ей не нравлюсь.

Губы Проскурина тронула улыбка – редкостное явление, и я окончательно приободрился. Может, и правда пронесет?

– И дело в личной антипатии, а не в твоём неподобающем внешнем виде и опоздании?

Черт, ладно он сразу заметил, что я не в форме, но про опоздание-то откуда узнал?

– Думаю, одно другого не исключает, – вздохнув, фило-

софски признал я.

– Дёмин, Дёмин, – протянул директор. – Андрей. – Я удивленно вскинул брови. По имени меня в школе звали редко – в фамилию им удавалось вкладывать больше ругательной интонации. – Завтра последний звонок, а ты ведешь себя совершенно так же, как и в первом классе.

Неправда. В первом классе я боялся этого кабинета.

Но я благоразумно промолчал.

– Ты знаешь, что такое последний звонок? – вдруг спросил он.

На самом деле я думал, что последний звонок – это огромное сборище людей, на котором принято лить слезы и прощаться, петь дифирамбы и лицемерить, будто это действительно последняя встреча учителей с учениками, а не временное перемирие перед тем, как встретиться на «тропе войны» – на экзаменах.

Ясное дело, такой ответ директора бы не удовлетворил.

– Великое таинство? – ляпнул я первое, что пришло в голову.

Глеб Иванович хмыкнул.

– Что ж, можно назвать и так. Это важный момент для каждого ученика, а в тебе я осознания этой важности не чувствую.

– Может, я нечувствительный?.. – И быстро прикусил язык под его тяжелым взглядом.

– Зал еще не украшен, – сказал директор. – Так что этим

ты и займешься.

Я задохнулся от возмущения. Украшением актового зала всегда занимаются младшие классы, но уж точно не выпускники. Что прикажете мне делать среди этих малолеток? Вырезать с ними колокольчики из гофрированной бумаги?

Видимо, по моему лицу все было ясно, потому что Глеб Иванович сделался совершенно довольным.

– Можешь считать, что тебя отправляют на исправительные работы, – подытожил он. – Я думаю, это лучший вариант, чем снова вызывать в школу твою маму.

Я скривился. Нет уж, увольте, от мамы мне еще дома достанется по первое число за испорченную фотографию.

– Неслыханная милость, – пробурчал я себе под нос.

– Что-что? – то ли правда не расслышал, то ли притворился директор.

– Я вас понял, – выдавил я из себя и поднялся. – Правильно понимаю, что аудиенция окончена?

– Окончена, – кивнул он. – Так что поступаешь в подчинение к нашему завхозу. Я в тебя верю.

Да уж, этого типа стоило бояться, вот уж услужил так услужил.

Всегда предпочитал общаться с ребятами на пару лет старше меня, а когда наша параллель осталась самой взрослой, в школе настала совершенная тоска. И теперь – на тебе: день в обществе восторженной ребятни...

Как говорится, если день не заладится, то пиши пропало. Я провозился в школе до самого вечера: то нарисуй, сё приклей, то принеси, сё унеси. Зато завхоз пребывала в полнейшем экстазе из-за того, что ей досталась длинноногая жертва и самой не пришлось лезть на верхотуру, куда не дотягивается малышня.

Словом, домой я приплелся злой и уставший. Мама встретила еще в прихожей. Лицо суровое, руки сложены на груди – прямо немой укор во плоти. Видела ли она разбитую рамку с фотографией, можно было не спрашивать.

– Привет! – Я решил, что все же лучше ни в чем не признаваться, пока тебя напрямую не обвинят. – Как день?

– Был хорошо, – сухо ответила мама.

Про свой день я так сказать не мог. Перед глазами все еще стояли сотни колокольчиков, которые мне пришлось лепить на школьные стены.

Прошмыгнул мимо матери на кухню. За всей кутерьмой сегодня вообще ни разу не поел. А я, между прочим, растущий организм. Распахнул холодильник в поисках, чем бы можно было поживиться. Обнаружил колбасу и тут же принялся делать себе бутерброд.

Мама, так же молча, последовала за мной на кухню. Остановилась в дверях и просто следила за моими действиями, не произнося ни слова.

Вот и отлично, может, если я тоже не буду ничего гово-

ритель, мы не поссоримся?

Блажен, кто верует.

– Ты бы хоть извинился, – сказала мама.

Я вскинул на нее глаза и с набитым ртом промычал:

– Ыз... вы... ны...

– Андрей! – мама все же не выдержала. – Ну сколько можно ребячиться!

Я наконец прожевал то, что напихал в рот.

– Да что я-то? Мне стыдно, но сделанного не воротишь.

– Стыдно ему! – Кажется, мама совсем не поверила в мое раскаяние, которое было на самом деле искренним. – Тебе никогда не бывает стыдно!

Я как раз пытался выпить молока, но так и замер. Медленно отставил от себя кружку. Она что, это серьезно? То есть она действительно так думает? Моя собственная мать?

Я просто стоял и смотрел на нее, не зная, что могу возразить в ответ на такие слова.

– А по дороге домой я встретила Маргариту Сергеевну, – тем временем продолжила мама. – И знаешь, что она мне поведала? – Я только пожал плечами, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться. – То, что ты опять опоздал, заявился без формы, хамил.

– Я ей не хамил!

– Так же, как не хамишь сейчас мне?

– Да, именно так! – Аппетит пропал, я зашвырнул недоеденный бутерброд в мусорную корзину. – Думай, что хо-

чешь. – И направился прочь из кухни.

За свое сегодняшнее опоздание я отработал по полной программе. Гораздо приятнее иметь дело с суровым директором: он хоть и придумал мне наказание, но не стал сотрясать воздух и читать нотации. Лучше уж так.

– Если бы твой отец был жив!.. – крикнула мама мне вслед.

Я остановился. Она редко прибегала к этому аргументу, но всегда, когда хотела меня обидеть.

Я повернулся к ней.

– То что? – поинтересовался заносчиво. – Всыпал бы мне ремня?

Мама вздрогнула от моего тона, но на то мы и родственники, идти на попятные она не стала.

– Еще как бы высыпал. Сколько можно позорить нашу фамилию!

Значит, позорить? Значит, фамилию? Мне захотелось чем-нибудь стукнуть, что-нибудь швырнуть, но ничего под рукой не нашлось.

– Может быть, если бы папа был жив, он видел бы во мне человека, а не капризного ребенка?! – пафосно выкрикнул я и все-таки стукнул – дверью своей комнаты.

Я рухнул на постель носом в подушку. Настроение сделалось просто отвратительным: мало мне было школьных изу-

верств, так тут еще и мама. «Тебе никогда не бывает стыдно»... Какая прелесть.

Хлопнула входная дверь. Видимо, маме тоже не захотелось находиться со мной в одном помещении. Как пить дать, пошла к своей любимой подруге Светочке, чтобы пожаловаться на непутевого сына. Это стало уже традицией: после каждой ссоры мама отправлялась к этой женщине, к слову сказать, бездетной, и та с великим знанием дела давала советы по поводу моего воспитания.

Хотя, возможно, оно и к лучшему? Останься мама дома, того и гляди, мы продолжили бы ссориться.

Обидевшись на весь мир, я решил лечь спать. Может, удастся отоспаться хотя бы на этот раз?

Однако сон не шел. Прележав лицом вниз некоторое время, я сдался и перевернулся на спину, уставился в потолок. Но и в нем не нашлось ничего интересного, обычный побеленный потолок, который уже через пару минут его созерцания стал давить на голову.

Я выругался и повернулся на бок, подмяв под себя подушку. Может, так удастся заснуть? Но и этот план провалился: несмотря на отвратительное настроение, я чувствовал себя бодрым. Почитать, что ли?..

В этот момент я заметил то, чего в моей комнате не было и быть бы не должно: из шкафа с одеждой торчал кусок ярко-синей ткани с серебристыми звездами.

– Это еще что за дрянь? – не понял я.

Но еще больше меня интересовало, что она делает в *моей* комнате, среди *моей* } одежды. Если даже мама сошла с ума и купила нечто настолько безвкусное, то за каким чертом она положила ЭТО в МОЙ шкаф? Места, что ли, больше нет?

Гонимый любопытством и бессонницей, я встал с кровати, рывком распахнул дверцу шкафа и... заорал! Потому что в моем шкафу сидел старик с белой длинной бородой, в синем колпаке и в плаще со звездами. Край этого плаща и торчал из моего шкафа.

Заорал я громко, наверное, даже соседи на девятом слышали.

«Как хорошо, что мама ушла, – подумалось мне. – Если это маньяк, то убьет он только меня». Ну, а что мне было думать? Кто в здравом уме и с благими намерениями может забраться в твою квартиру и спрятаться в шкафу? Про внешний вид незнакомца вообще молчу, тоже мне Мерлин. Вроде бы и психлечебницы поблизости нет, откуда этот тип мог бы сбежать...

Тем временем «Мерлин» выбрался из шкафа и замахал руками.

– Не кричи, не кричи, – зашептал он, как заклинание.

Ага, ищи дурака. Я отступил назад, схватил первое, что попало на глаза (это оказалась настольная лампа), и предостерегающе поднял руку с импровизированным метательным снарядом.

– Лучше не подходите, – предупредил на полном серьезе.

Однако старик не внял моей угрозе. Он снова сделал шаг по направлению ко мне, протянул руку.

– Тише, успокойся, все хорошо, – его голос звучал гипнотически.

Я упрямо тряхнул головой. Нечего мне тут уши заговаривать!

– Еще шаг, и пеняйте на себя! – крикнул, замахиваясь.

– Господь против насилия, – вдруг раздался голос у меня за спиной.

Я подпрыгнул от неожиданности, крутанулся назад и швырнул лампу в сторону говорившего. Обступили, гады!

К моему же величайшему удивлению, «снаряд» не долетел до головы нового незваного гостя, хотя я метил наверняка. Старик в плаще вскинул руку, и лампа отлетела в угол комнаты, вдребезги разбившись об стену.

– Мамочки... – проскрипел я, голос куда-то пропал.

Стал пятиться к двери так медленно, как только мог. Психи, ну точно, психи. Их нельзя злить, их нельзя пугать, нужно двигаться не торопясь, без резких движений...

Человек, так неожиданно появившийся из-за спины, теперь пошел на меня с самым решительным выражением на лице. Я в панике не сводил с него глаз. Да и посмотреть было на что: если первый явно считал себя Мерлином, то этот, по-видимому, Братцем Туком. Во всяком случае, герой легенды о Робине Гуде в моем представлении выглядел именно так: невысокий, пузатый, волосы венчиком вокруг блестя-

щей лысины, а сам одет в коричневую рясу, подпоясанную бечевкой, на груди – большой деревянный крест.

Пятясь назад, я наконец добрался до двери, уперся в нее лопатками, и, не отводя взгляда от нападавших, попытался повернуть ручку. Дверь оказалась заперта. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Незнакомцы в моей комнате, летающая лампа, дверь, которую я совершенно точно не заперал...

– Послушайте, – начал я, собрав остатки самообладания, – давайте так, вы уходите, а я никому не скажу, что вас видел. Хорошо?

Толстяк в рясе сложил руки на груди и нахмурился еще больше.

– Не хорошо, – отрезал он.

Да что происходит, вашу мать?! Ненормальные какие-то, по ходу, еще и буйные...

– Леонер, осади, – неожиданно встал на мою защиту «Мерлин» и успокоительно положил руку на плечо своему сообщнику. – Видишь, мы напугали мальчика.

Правильно, мальчик нервный, не надо его пугать.

– Андрей, мы пришли к тебе, нам нужно поговорить, – это уже мне.

Ну приехали, они еще и имя мое знают.

– Да вы кто такие?! – не выдержал я. От возмущения у меня даже голос прорезался.

– Так, еще раз заорешь... – Монах угрожающе засучил

рукава.

– А как же «Господь против насилия»? – напомнил я, упираясь спиной в дверь, бежать было некуда.

– Господь простит нас.

У меня глаза на лоб полезли от такой логики.

– Спокойно, Андрей, – снова вмешался старик, – мой друг так шутит.

– Ничего себе шуточки, – огрызнулся я, постепенно приходя в себя. Выйти из комнаты все равно не получится, помочь некому, а потому и дальше впадать в панику не было никакого смысла.

Тут в голову пришла мысль: может, мне все это снится? Ну конечно! Это только мне показалось, что не уснул, а на самом деле пришел и отрубился, вот и привиделось. И я решил, что самое время проснуться.

– Ой! – Ущипнул себя за руку и зашипел от боли. Тем не менее странная парочка никуда не исчезла. Значит, не сплю. – Ой, – повторил я, на этот раз тихо и обреченно.

– Ты не спишь, – правильно понял мое предположение старик, – ты не сошел с ума, и мы тоже не сумасшедшие, – но мы пришли к тебе, и нам нужно с тобой поговорить, – надо признать, его голос звучал по-настоящему доброжелательно. Может, и правда убивать не будут?

– Что вам от меня нужно? – спросил я уже спокойнее, но все еще не отлипая от двери. – И откуда вы знаете, как меня зовут?

– Мы наблюдали за тобой, – ничуть не смутившись, ответил старик и, не дав мне возможности возмутиться, продолжил: – Нам нужна твоя помощь.

Ах помощь? Ну так бы сразу и сказали.

– Вам «скороую» вызвать? – обрадовался я. – Так я мигом, вы только дверь откройте.

– Андрей! – в голосе «Мерлина» было столько укора, что я стушевался. – Мы не сумасшедшие, просто из другого мира, и нам нужна твоя помощь. Все, о чем прошу, выслушай. Если ты откажешься нам помочь, мы просто уйдем.

– Так просто возьмете и уйдете? – не поверил я.

– Не просто... – начал было монах, но старик не дал ему договорить.

– Уйдем, – кивнул он.

Вид у него был искренний, но кто их знает этих психов, может, у них всегда такой вид. Я обшарил комнату на предмет того, чем можно было бы в случае чего обороняться, но тут вспомнил о лампе. Как ему вообще удалось ее отбросить?

– Давайте присядем и спокойно поговорим, – предложил старик и, подавая пример, опустился на край кровати.

Монах, все еще угрожающе посверкивая глазами в мою сторону, занял место на другом краю, таким образом, вынуждая меня сесть между ними. Ага, щаз!

Впрочем, препираться смысла не было, биться в дверь и звать на помощь тоже. Может, на самом деле скажут, что хо-

тели, и уйдут? Я вздохнул и наконец оторвался от двери, но к ним не приблизился, а прошел и уселся на подоконник.

Старик хмыкнул, оценив мой маневр, но возражать не стал.

– Полагаю, теперь мы можем поговорить? – вежливо осведомился он.

Я пожал плечами.

– Говорите. – А мысленно добавил: «Только побыстрее и уходите».

– Меня зовут Мельвидор, – представился старик в плаще со звездами, – я придворный маг королевства под названием Карадена. – А это Леонер, – он кивнул в сторону монаха, – глава Караденской церкви.

Я часто заморгал. Все-таки психи.

– Я знаю, в это нелегко поверить, – продолжал Мельвидор, – но все это правда. Карадена существует, но ты никогда о ней не слышал, потому что она находится в другом мире. В нашем королевстве случилась беда, и мы пришли сюда просить тебя о помощи.

Я окончательно растерялся. Они что, всерьез, думают, что я им поверю? Люблю, конечно, фантастику, но не до такой же степени.

– Вижу, ты нам не веришь, – вздохнул старик, – что ж, смотри... – Он повернулся в сторону, куда совсем недавно улетела моя «метательная» лампа, и вытянул руку. Прямо на глазах осколки поднялись в воздух, а потом вновь соедини-

лись вместе. На пол лампа опустилась совершенно целой.

У меня отвисла челюсть, и захотелось еще раз себя ущипнуть. Маг? Настоящий?

– Теперь ты готов нас выслушать?

– Не готов, – признался, силясь прийти в себя. – Но выслушаю точно.

Волшебник довольно кивнул и начал свой рассказ. Говорил он много и долго. О множестве миров, об их связи и связях между их обитателями.

Сначала я слушал внимательно, но потом просто потерял нить повествования, мне стало незнакомо каждое второе слово, произнесенное стариком.

– Стойте-стойте! – не выдержал я. Должен признать, мне стало так интересно, что начисто забыл о страхе. – Нельзя ли попроще, без терминов? А то смещение арогно... как их там?

– Ароноретических павеногдоссов? – услужливо подсказал маг.

– Во-во, – закивал я, – их самых. Можно без них?

Мельвидор устало воздел глаза к потолку, но согласился.

– Ладно, будет тебе попроще.

– Молодежь, – фыркнул Леонер, но я его проигнорировал, мне действительно было безумно интересно.

– Значит так, – продолжил волшебник, – если проще. Существует великое множество миров, которые в вашей литературе так любят называть параллельными. Это ошибочно.

Они не параллельные, они попарные.

– То есть? – не понял я.

– Это значит, что не все миллионы миров связаны между собой. Связь существует только между каждыми двумя мирами.

– И ваш связан с этим миром? – Тут уж и дурак бы догадался.

– Именно, – кивнул Мельвидор.

– И в чем же заключается эта связь?

Маг пожевал губу.

– Как бы сказать яснее... Скажем так, ни одно событие в этом мире не проходит бесследно для нашего. И наоборот. Например, затяжные осадки здесь могут вызвать засуху у нас. Но природные явления не то, что нас в данный момент интересует. В наших мирах живут совершенно идентичные люди, двойники друга друга.

На этом он сделал паузу, будто хотел, чтобы я задал какой-то вопрос. В принципе, я бы с радостью промолчал, но если ему так хочется, то почему бы и нет?

Спросил:

– И какая же связь между людьми?

Мельвидор довольно хмыкнул, очевидно, я попал в точку.

– В этом-то все и дело. Люди связаны гораздо сильнее, чем природа. Сильные эмоции человека из одного мира могут вызвать сердечный приступ у двойника. Если один падает с крыши и ломает ногу, второй в это мгновение обязательно

спотыкается на ровном месте на ту же ногу.

Картина вырисовывалась мрачная. Мне не понравилось, к чему он клонит.

– А если один умирает? – спросил я.

– Соображает пацан. – Монах впервые одобрительно посмотрел в мою сторону. – В нужную сторону мыслит.

Но волшебник никак не отреагировал на эту реплику, а ответил мне:

– Бывает по-разному: иногда внезапная смерть, иногда приступ, в редких случаях минутный дискомфорт. Все понял из того, что я сказал?

Я кивнул, хотя в голове был полный сумбур.

– Тогда теперь слушай особо внимательно, – посоветовал Леонер и снова замолчал, предоставив Мельвидору продолжать. Что тот немедленно и сделал.

– Ты, наверное, уже понял, что мы здесь из-за твоего двойника? – спросил маг.

Понял-то понял, но...

– Он умер, – ужаснулся я, – и поэтому у меня сегодня все из рук валится, да?

Мельвидор хмыкнул.

– Богатая фантазия, молодой человек, но, слава богу, ты ошибаешься, и Эридан жив.

– Эридан?

– Так зовут твоего двойника.

– И кто он? – поинтересовался я, полагая, что в этом-то

и сокрыт смысл.

И не ошибся.

– Эридан – принц Карадены. Король Лергиус – двойник твоего отца. Королева Ливия была двойником твоей матери.

– Была? – испугался я.

– Она умерла при родах, – подтвердил он.

Я судорожно сглотнул. Моя мама чуть не умерла, когда я должен был появиться на свет. Если бы ей не сделали кесарево сечение, навряд ли все закончилось бы так благополучно, как закончилось.

Задумавшись о своем, я не заметил, что Мельвидор продолжает рассказ. Поняв это, немедленно стал вслушиваться в его слова, теперь уже пытаюсь ни одно не пропустить мимо ушей.

– Смерть королевы очень сильно подкосила короля Лергиуса, только Эридан был его утешением. Но, несмотря на горе, король правил достойно, Карадена процветала. А потом погиб твой отец. – Он встретился со мной взглядом, чтобы убедиться, что я внимательно слушаю. – Если бы Лергиус был полностью здоров и счастлив, смерть двойника не была бы для него катастрофой. Но со дня смерти королевы он был сам не свой. И когда погиб твой отец, король Лергиус тяжело заболел и через несколько дней впал в кому. С тех пор он из нее не выходил.

Стоп-стоп, так не бывает...

– Десять лет? – ужаснулся я.

– Да. Его жизнь поддерживается магией. Он все еще считается законным королем Карадены, но фактически трон принадлежит Эридану. А так как бразды правления свалились на него слишком рано, все это время ему помогали править министры.

– Но чего же вы хотите от меня? – все еще не понимал я. Да, спору нет, интересно поговорить с волшебником из другого мира и послушать печальную историю о своем двойнике. Но они же пришли ко мне не с просветительской миссией.

– Принц Эридан пропал, – вступил в разговор монах. – И мы не можем его найти.

– Тогда откуда вы знаете, что он жив? – подловил я.

– Магия, – коротко пояснил Мельвидор.

– В таком случае, почему вы не найдете его с помощью магии?

Волшебник только развел руками.

– Хороший вопрос, молодой человек, но ничего не получается. Кроме того, о пропаже принца не должны знать посторонние люди, а потому все содержится в строжайшем секрете. Эридана нет уже три дня, но уверен, что мы сумеем отыскать его еще через несколько дней.

– Вот только нет у нас этих нескольких дней, – жестко добавил Леонер. – Завтра Большой Совет. Он собирается раз в год, на него прибывают наместники из всех провинций, входящих в состав Карадены. Принц не может пропустить Большой Совет. Если Эридана не будет, откроется его исчезнове-

ние. Тогда немедленно будет высказано предположение, что, возможно, принц уже не вернется, а король не очнется. А это повлечет за собой борьбу за трон. Если же Эридан будет на Совете, это даст нам время.

У меня ком встал в горле.

– И вы хотите, чтобы я...

– Да, – безжалостно ответил глава церкви. – Иначе Карадене конец, устойчивое положение в королевстве вернуть будет крайне сложно.

– Да вы с ума сошли! – Я даже соскочил со своего подоконника.

– Тебе трудно потерять три дня ради спасения целого королевства? – изумился Мельвидор.

Но меня не смутил.

– Не трудно, но как вы себе это представляете? У меня тут тоже есть жизнь. Завтра последний звонок, и я не могу его пропустить. И что я маме скажу? Куда это я могу уехать, да так, чтобы мне нельзя было позвонить?

– В этом вся проблема? – уточнил волшебник.

Я пожал плечами.

– Ну да.

В принципе, разве трудно три дня поиграть принца? К тому же это может отказаться чертовски интересным. Эх, если бы не последний звонок...

– Я могу сделать так, чтобы в этом мире никто не заметил твоего исчезновения, и ты вернешься в этот же самый миг, –

вдруг сказал Мельвидор. – При таких условиях ты согласен помочь?

Вот это да, он и такое может? Я тут же просветлел. Мне на самом деле понравилась мысль побывать в другом мире, да так, что никто здесь не заметит моего отсутствия. Что держит меня сегодня дома? Какие у меня перспективы? Дождаться возвращения матери и продолжить ссору? Точно не лучший вариант.

Снова пожал плечами, чувствуя себя идиотом.

– Согласен... наверное...

– Уверен? – очень серьезно переспросил Мельвидор. – Дело в том, что особенность перехода в том, что переходящий должен совершенно искренне хотеть оказаться на другой стороне. Иначе он пройти не сможет.

Признаюсь, этим он меня озадачил. Откуда я знаю, искреннее мое желание или не искреннее? Мне интересно – это факт.

– Уверен? – повторил он. – У нас мало времени.

– Уверен, – выдохнул я. Но все же снова подумал: «Наверное».

– Тогда дай руку. – Мельвидор протянул свою старческую ладонь.

Мне снова сделалось не по себе. В моем доме появляются два незнакомца и зовут меня неизвестно куда...

А, к черту, решил я, сейчас или никогда – ничего ведь не теряю.

Подал руку.

Едва я коснулся мага, как перед нами появилась сияющая алым дверь.

Первым в дверной проем скользнул Леонер, затем старый волшебник втокнул и меня. Перед глазами вспыхнул фейерверк, и все померкло.

Господи, если бы я тогда знал, во что влезаю...

Глава 2

– Он жив? – осведомился кто-то.

– Жив, конечно, – ответил другой. – Это шок. Скоро придет в себя. – Дверь хлопнула. – Андрей, – это уже ко мне. – Андр-е-ей!

Захотелось сказать, что Андрея нет – он вышел и вернется не скоро. Но, прежде чем я успел это произнести, мысль проплыла мимо, и мое сознание потянуло вслед за ней.

– Андрей! – в голосе появилась властность, и меня хорошенько встряхнули за плечи. – Немедленно прекрати! Андрей!

Что должен был прекратить, я так и не понял, но и эта мысль у меня в голове не задержалась. «Когда я сменил звук будильника?» – сонно подумалось мне, но потом я вспомнил, что звук у моих часов не меняется, и звенят они монотонным противным писком.

Осознав эту простую истину в полной мере, я открыл глаза и обнаружил, что лежу на кровати в комнате с каменными стенами.

Так, это не моя комната – факт первый. Алкоголь я вчера не употреблял – факт второй. А раз так, то совершенно не ясно, почему у меня самочувствие асфальта, по которому только что проехали катком.

– Ты как? – Надо мной склонился длиннородый старик

с тревогой на лице.

Мерлин? Господи! Только сейчас до меня дошло, почему я чувствую себя так паршиво. И мне сделалось еще и жутко.

– Ты как? – повторил Мельвидор.

– Как раздавленный помидор, – пробормотал я, неловко приподнимаясь с подушки.

– Голова не кружится?

– Вибрирует.

У волшебника на лице появилось такое недоумение, что мне стало его жаль.

– Да живой я, живой, – заверил я. – Просто состояние дурацкое. Нормально, бывало и похуже.

– Встать можешь?

– Куда ж я денусь, – вздохнул, заставляя себя подняться. – Переход всегда такой ужасный?

– Первые несколько раз, – ответил Мельвидор. – Не переживай, обратный переход будет легче.

– Надеюсь, – буркнул я, осматриваясь. Комната, в которой мы оказались, была небольшой. Стены, пол и потолок – выложенные из серого камня. Окон нет. Свет же явно сверхъестественной природы – слишком уж ровный и идеальный. – А где Братец Тук? Ну, то есть Леонер? – вовремя исправился я.

– За одеждой тебе пошел.

– Ясно. – Прошелся по комнате взад-вперед. – Вы не говорили, что ваше королевство находится на уровне средне-

вековья. Наверно, и рыцари, и драконы имеются?

Мельвидор помрачнел.

– Драконов уже два века как истребили. А рыцарей – как было пруд пруди, так и есть, только чаще в рыцари посвящают по происхождению, а не по способностям и умению.

Я не успел ничего сказать в ответ, как дверь распахнулась, и в комнату вошел Леонер с вещами в руках.

– Волосы удлинять не имеет смысла, пусть все думают, что Эридан подстригся, – сказал он. – А это на, надень. – Леонер бросил принесенное на кровать, с которой я недавно встал. – Посмотрим, как ты в этом выглядишь.

Что ж, как говорится, назвался груздем, полезай в кузов. Одежда эпохи средневековья доверия у меня не вызывала, но, раз уж согласился сыграть принца Эридана, отступить было поздно.

На процесс одевания у меня ушло не меньше пятнадцати минут. Я так долго никогда даже на свидание не собирался. Нарядившись, предстал перед зеркалом и оглядел себя придиричивым взглядом. Да уж, ну и красавец.

На мне была надета белая рубашка с широкими рукавами и узкими манжетами, на ней – черная безрукавка, а сверху еще и бархатный камзол, доходящий до середины бедра, тоже черный, но украшенный по вороту и рукавам серебряными нитями. Но сильнее всего меня добила узкие штаны,

плотно обхватывающие ноги, как лосины у солиста балета, и высоченные кожаные сапоги.

– Пугало, – решительно окрестил я себя. В таком костюме только на Хэллоуин идти.

– Это самая дорогая и роскошная одежда, которую только можно найти в Карадене, – снисходительно пояснил Мельвидор. – Поэтому не привередничай.

– Я похож на графа Дракулу, – не унимался я. Мне бы еще клыки и собственный гроб, тогда сходство было бы абсолютное

– На кого? – нахмурился Леонер, чувствуя подвох в моих словах.

– Не важно, – отмахнулся я, понимая, что привередничать в самом деле бессмысленно, – это фольклор моего мира, забудьте.

В ответ монах только хмыкнул.

– Ладно, довольно препираться, – привлек мое внимание маг. – У нас не так много времени. Ты лучше подвигайся в новой одежде. Удобно?

Я послушно поднял, опустил руки, потом присел. Конечно, понятно, что все вещи пошиты специально на моего двойника, и мне они тоже были впору, но по сравнению с привычной одеждой значительно сковывали движения.

– Пойдет, – ответил я. – В конце концов, мне в ней не так долго ходить. – Тут вспомнились последние слова Мельвидора. – А куда мы опаздываем? Совет же вроде только зав-

тра?

– Вы опаздываете на ужин с господами министрами, ваше высочество, – вместо мага ответил Леонер, как мне показалось, с садизмом в голосе.

Та-а-ак, по-моему, мы на это не договаривались. Какой еще ужин, да еще так сразу? Меня же разоблачат в первые пять минут!

Наверное, на моем лице отразилась вся гамма чувств, потому что Мельвидор успокоительно похлопал меня по плечу.

– Не паникуй, у нас есть целые два часа, чтобы тебя проинструктировать.

– Да вы с ума сошли! – вспыхнул я. – Что я могу усвоить за два часа? Ваши министры мигом вычислят во мне самозванца.

– Самозванца четвертуют, – как бы невзначай бросил Леонер и уставился в каменный потолок с таким видом, будто видел его впервые.

Я в панике переводил взгляд с одного на другого. Что-то мне никто не говорил, что меня тут могут прикончить, если в чем-то заподозрят. Мы так не договаривались!

– Я так не играю, – выпалил я. – Вы попросили меня побыть вывеской, и я согласился. Но что-то мне подсказывает, что о четвертовании мне никто не говорил.

– Андрей, успокойся, – в голосе мага не было и доли сочувствия. – Никто ни о чем не догадается. Эридан – человек молчаливый, поэтому, если ты всего лишь появишься и бу-

десь молчать во время ужина, никто не удивится.

– Кроме того, – подмигнул мне Леонер, – два часа – это уйма времени.

Да уж, не переживай, Андрюша, в случае чего, тебя всего лишь разрубят на четыре куска, всего и делов...

– Все запомнил? – спросил меня Мельвидор.

Я пожал плечами, причем пожимать их в Эридановом наряде было не слишком-то удобно, но воздержался от комментариев. Потому что в прошлый раз (этак в сто двадцать пятый) Леонер пообещал, что нарядит меня в свою рясу, если продолжу бастовать. Станный он для монаха, злой...

Запомнилось на самом деле далеко не все из того потока информации, который на меня вылили Мельвидор и Леонер, потому что ее было слишком много, а я никогда не был прилежным учеником.

Что я усвоил, так это то, что Карадена – древнее могущественное государство, играющее не последнюю роль на политической арене этого мира. Состояла Карадена из Столичного округа и восьми провинций, носящих цветные названия: Алая, Янтарная, Лазурная, Лиловая и так далее. Во главе каждой провинции стоял наместник, назначающийся королем, выборов в этом мире не знали априори.

Что же касается Столичного округа, то в нем обреталась королевская семья и министры. На протяжении долгой исто-

рии Карадены одиннадцать министров были помощниками короля, отвечающими каждый за свое ведомство, но слово короля всегда имело решающее значение, и он мог одним взмахом руки отменить любое решение, принятое министрами. Однако из-за того, что несчастье с моим отцом, а следовательно, и с королем Лергиусом, случилось, когда Эридану было всего семь, министры поднялись на новый уровень своих возможностей. В последние десять лет именно они, а не наследник, управляли государством. Это не изменилось и по достижении принцем совершеннолетия, которым здесь считалось наступление пятнадцати лет.

Насколько я понял, за эти годы министры полностью взяли власть в свои руки, определив для принца Эридана роль ширмы. По факту, он всего лишь подписывал своей рукой решения, принимаемые ими, при этом совершенно не возражал против такого порядка и, как нехотя признал Мельвидор, серьезно политикой не интересовался. Как может наследник престола не интересоваться тем, что происходит в его королевстве, лично мне было не понятно, но это был не мой мир, а потому я решил никого раньше времени не осуждать. Возможно, министры так хорошо управляли государством, что Эридану просто-напросто не было причин применять свою власть.

– Послушай меня, – снова заговорил волшебник. – Естественно, я не могу за столь короткий срок многое тебе объяснить. Но мы не можем тянуть. Всем было объявлено, что

принц заболел, а потому несколько дней не выходит из комнаты. Само собой, что Эридан не может появиться бодрым и здоровым на встрече с наместниками. Это выглядело бы подозрительно, поэтому-то ты и появишься на сегодняшнем ужине с министрами. Если не будешь знать, что сказать, просто не отвечай, скажись все еще больным. Но запомни главное, лучше промолчи, чем скажи глупость. Ты меня понял?

Я устало вздохнул.

– Понял.

Честно говоря, я предполагал, что все будет веселее и интереснее. Сейчас же, видя, как нервничают мои проводники, начинал нервничать сам. Кроме того, угроза четвертования все еще не шла у меня из головы.

– И ничего не бойся, мы будем рядом, – мягко напомнил маг.

– И не спустим с тебя глаз, – в свою очередь вставил монах.

Я закатил глаза.

– Да понял я, понял. Хватит меня запугивать! – Если Мельвидор разговаривал со мной как с человеком, то Леонер только и делал, что грозил всевозможными карами Господними.

– Тебе нужно продержаться всего три дня, – подбодрил маг. – Всего три, и мы вернем тебя домой.

– Ладно. – Мои плечи опустились. – Три так три. – В конце концов, сам, добровольно, во все это влез, силой меня никто

не ташил, так что идти на попятную было поздно.

В этот момент по замку пронесся звон. Я вздрогнул. Тьфу ты, прямо как школьный звонок.

– Ужин, – провозгласил Леонер, – пора поторапливаться.

– Запомнил, как пользоваться нашими столовыми приборами? – еще раз уточнил Мельвидор.

Как тут не запомнишь, если тебе талдычат об этом целый час?

– Запомнил. – Я вздохнул. – Но все равно не понимаю, если вы маг, почему нельзя внести мне все эти знания магически?

– Я уже говорил, – напомнил тот.

– Вы сказали: «нельзя» и закрыли тему, – парировал я.

Мельвидор воздел глаза к потолку.

– Вот ведь упрямец... Да потому что голова твоя не грядка, и нельзя в ней копать! – вдруг взорвался он. – Хочешь стать растением? Если я вмещаюсь в твои мыслительные процессы, только десять процентов за то, что твой мозг вообще не сторит!

Он замолчал с таким видом, будто от его крика я должен был поджать хвост и спрятаться под лавку. С чего бы, интересно? Можно подумать, на меня голос никогда не повышали. Что, мне теперь пугаться или орать в ответ?

– Это можно было бы объяснить сразу, – совершенно спокойно заметил я.

– Ужин, – заторопил монах, – уж опаздывать себе Эридан

никогда не позволяет.

Мельвидор повернулся ко мне и сделал рукой жест в сторону двери.

– Прошу, ваше высочество, ужин подан, – у него даже тон изменился, стал важным и одновременно каким-то неприятно заискивающим.

Я поморщился.

– И теперь все будут разговаривать со мной вот так?

– Как же! – ухмыльнулся Леонер. – От министров не дождешься.

Я не успел уточнить, что он имел в виду, потому что волшебник толкнул меня в спину, вынуждая поторопиться.

– Принц, пора! – повторил все тем же противным тоном слуги, обращающегося к господину.

– Да иду я, иду, – огрызнулся я и тут же получил пятерней между лопаток. – Уй! – Рука у монаха, и правда, оказалась тяжелой.

– А ну, выпрямись! – прошипел Леонер. – Голову выше, спина прямая, плечи ровные! Мы же репетировали.

– Помню, – проростонал я и наконец распахнул дверь комнаты, из которой мне до сих пор не позволяли выходить.

Черт, и во что я вляпался?

Коридоры замка были темными и отгалкивающими. Вместо окон – бойницы. На стенах – факелы, правда, не зажжен-

ные, видимо, помещение освещалось магически. Сыро, пусто и холодно, будто это место необитаемо. Только красная ковровая дорожка на полу как-то не вписывалась в общую мрачную картину.

– И здесь живут люди? – шепотом ужаснулся я.

– Тише, – шикнул на меня монах, – здесь и у стен есть уши.

Я поежился – воображение мигом нарисовало кирпич с ушами, уши почему-то получились мохнатыми, и я, не выдержав, усмехнулся. Леонер покосился на меня, однако промолчал, хотя было видно, что не я один сдерживался с трудом.

Эридан, наверное, мазохист. Как можно жить в этой крепости, к тому же являясь ее хозяином? Он же принц, еще не коронован, но уже обладает огромной властью, так почему же не отдаст приказ перестроить эту уродливую коробку к чертовой матери?

– Осанка, – шепотом напомнил мне Мельвидор. Странно, я всегда считал, что хожу ровно, но за сегодня меня уже дважды обозвали горбатым. Что ж, запомним...

Мы петляли по коридорам минуты три, но мне они показались вечностью. Никогда не наблюдал у себя признаков клаустрофобии, а здесь было такое чувство, что потолок вот-вот рухнет на голову.

В конце одного из бесконечных коридоров послышалась тихая музыка. Мелодия ничем не отличалась от музыки мо-

его мира, просто, на мой взгляд, чересчур заунывная, будто кто-то не до конца прихлопнул комара, и теперь он пищит, не в силах взлететь.

Двери обеденного зала были резными и ярко расписанными, что по стилю совершенно не сочеталось с виденными мною коридорами. Создавалось впечатление, что Эридан отдал приказ переделать только часто используемые помещения, а об остальном замке решил счастливо забыть.

М-да... Все, что я знал об Эридане, это то, что он выглядит точь-в-точь как я и не любит свое королевство. Не густо... Ах да, я знаю о нем еще кое-что: у него нет клаустрофобии, которая теперь началась у меня.

Я задумался о том, что интересно было бы познакомиться со своим двойником, просто из чистого любопытства. Моя точная копия и в то же время совершенно на меня не похожий. Вдруг вспомнился вчерашний сон с зеркалом, и мне стало не по себе.

– Его высочество принц Эридан! – объявил невесть откуда взявшийся слуга и распахнул передо мной двери, тут же назвав моих спутников: – Его могущество господин Мельвидор и его святейшество господин Леонер!

Меня передернуло. Жить в каменной заплесневелой коробке и проходить через весь этот отвратительный церемониал всякий раз, как только захочешь поесть. Тогда неудивительно, что Эридан не любит Карадену, я бы точно уже ее возненавидел, если бы мне пришлось все это терпеть с само-

го детства.

Ну вот, я пробыл в этом мире всего несколько часов и уже понял, что быть принцем не так уж замечательно, как описывается в сказках. По крайней мере, я бы точно свихнулся от такой жизни.

Мы вошли в обеденный зал – огромное помещение с длинным столом. Большая часть стола пустовала, так как в зале находилось человек тридцать, а он был рассчитан на добрую сотню.

Все присутствующие подняли головы, а я бегло глянул на министров, расположившихся за столом вместе со своими женами и детьми, потом склонил голову в вежливом кивке-приветствии, как учил меня Мельвидор и, стараясь сохранять спину ровной, прошествовал к своему месту во главе стола.

Министры провожали меня взглядами до того момента, пока я не опустился на стул. Мне сделалось совершенно жутко, сердце неприятно громко стучало в груди, и в наступившей тишине казалось, что этот звук слышен всем. Я глубоко вздохнул – не время паниковать, раз согласился, придется взять себя в руки и потерпеть.

Двери снова отворились, и слуги внесли всевозможные яства, о которых мне перед этим подробно рассказали. Впрочем, еда здесь была самая обычная, ну, то есть обычная для королевского стола. Разве что омаров не хватало. Наверное, Карадена не имеет выхода к морю...

Официоз немного спал, министры начали переговариваться между собой, а я изображал смиренного лося на поводке, как меня и просили Мельвидор с Леонером, и ни во что не вмешивался. По крайней мере, можно было рассмотреть господ министров во всей красе. Когда еще в жизни мне предстоит вот так нос к носу столкнуться с аристократией?

Все одиннадцать министров (боже, зачем же так много?!) были совершенно непохожими друг на друга, зато их жены напоминали близняшек: у всех пышные платья одного фасона, высокие прически, напудренные лица. Сыновья министров были разных возрастов: самому младшему лет десять, старший – примерно мой ровесник. Дочерей оказалось меньше, у них тоже были платья и прически, как у их матерей, только не такие размалеванные лица. Я пробежал взглядом по нескольким девушкам постарше, но ничего интересного для себя не нашел. Не могу сказать, что они были некрасивыми, некоторые казались очень даже милovidными, но равнодушно-надменные выражения лиц меня отталкивали.

Мысли совершенно запутались, я не мог припомнить, чтобы когда-либо так волновался и скучал одновременно. Комбинация, казалось бы, совершенно невозможная, но именно так я себя и чувствовал. Есть совершенно не хотелось, так что кусок в горло не лез, хотя я и не ел весь этот бесконечный день. Кто бы мог подумать, передо мной стоят блюда, которые никогда не попробую в своем мире, а у меня начисто отбило аппетит.

Это-то меня и подвело.

– Вы мало едите, принц. Почему? – надменно заметил один из министров, худой тип с крючковатым носом. Вспомнить бы еще, что он за министр и как его зовут. Мельвидор, конечно, перечислял всех, но у меня все-таки голова, а не Дом Советов, чтобы запомнить имена пятидесяти человек с первого раза.

От тона, которым министр обратился ко мне, меня передернуло. Одновременное презрение и насмешка и в то же время... власть? Неужели Эридан позволил министрам настолько возвыситься, что они уже не испытывали к наследнику престола элементарного уважения?

– У меня нет аппетита, – ответил я довольно резко.

Я уже понял, что мой двойник не пресекал такое отношение к себе. К тому же в любом случае нельзя было высываться, а потому я ограничился только тоном, оставив все готовые сорваться с языка замечания при себе.

Однако министр не унялся.

– Полагаю, снижение аппетита связано с вашей болезнью, – сказал он, ловко орудуя ножом и вилкой. – Но, принц, нам так и не сообщили, чем вы были больны. Это не заразно?

А это прозвучало так, будто приبلудную собаку подозревают во вшивости. Если этот человек не пытался унижить принца, то я балерина. Мне так и захотелось сказать, что моя болезнь называется «зеленый чихундус», и она не просто заразна, она *уже* распространилась по всему замку.

Мельвидор как бы невзначай приложил палец к губам. Надо же, я еще и рта не раскрыл, а мне уже велят заткнуться. Что ж, если мыслить здраво, он прав, это не моя война, мне нужно всего лишь переждать тут три дня.

– Мне бы не хотелось обсуждать это, – ответил настолько спокойно, насколько мог, унимая раздражение.

– И все же, – высказался другой министр, крупного телосложения с мясистым носом и маленькими хитрыми глазками, – мы должны знать, что происходит с нашим будущим королем. А Мельвидор сделал все, чтобы эти три дня никто из нас не попал в ваши покои. Так что же с вами стряслось?

– Неужели это важно, господин министр? – тут же вмешался маг, услышав, что прозвучало его имя.

– Мэл, давно вы стали отвечать за его высочество? – насмешливо поинтересовался третий министр.

Я сказал «не моя война»? Похоже, не ошибся – тут шли настоящие бои. Картина вырисовывалась все яснее. Теперь я понял, как происходил процесс управления королевством: Эридан позволил министрам взять бразды правления в свои руки не потому, что доверял им. Он их боялся, а они его – совсем нет. Потому что, если бы дела обстояли иначе, никто из министров не посмел бы так разговаривать с принцем крови.

Мельвидор смешался, ему явно было что сказать, но он не мог открыто спорить с министром.

Я бросил на волшебника разочарованный взгляд: я-то на-

деялся, что раз он заговорил, то непременно заступится, если не за меня, то хотя бы за принца. Но Мельвидор опустил глаза, зачарованно уставившись в свою тарелку, и явно не намеревался продолжать спор.

Что бы я там себе ни внушал, в отличие от своего двойника я вырос в иной атмосфере, и сдержаться мне было трудно. К тому же даже для своего мира примерной дисциплиной я никогда не отличался, о чем мне постоянно напоминали в школе и дома. Сейчас сдержаться было очень тяжело. Особенно, когда все присутствующие обернулись в мою сторону в ожидании... чего? Оправданий и смиренных объяснений?

Итак, от меня все еще ожидали ответа. Отвечать у меня точно не было желания, хотелось встать и выйти, просто так, молча, потому что было противно даже находиться с этими людьми за одним столом.

Но от меня ждали ответа, и я не сдержался. Что ж, господа министры, как пожелаете – отвечу, но потом не жалуйтесь.

– Я не обязан вам что-либо объяснять, – четко произнес я.

При моих словах Леонер даже перекрестился.

– Но мы должны знать, не затрагивает ли ваша болезнь интересы королевства, – не сдавался упрямый министр.

От злости даже вспомнил, как его зовут. Сакернавен, министерство юстиции.

Я стойко выдержал его взгляд, что, судя по тому, как яростно впился в свой крест Леонер, было для Эридана совершенно не свойственно.

– Трон не освободится, если вы об этом, – ответил я с милой улыбкой.

Мне показалось, что еще пара фраз в том же духе, и монах начнет грызть ногти. Маг побледнел, как скатерть.

М-да... Эридан, похоже, действительно, ничего подобного никогда не выдавал. Все министры как воды в рот набрали от подобной наглости. Весело. Мне захотелось закрепить успех и сказать что-нибудь еще не менее дерзкое, но я вовремя вспомнил о том, что здесь принято четвертовать самозванцев, и благоразумно сдал назад.

– Вернемся к трапезе и забудем о грустном, – предложил я так, будто ничего не произошло.

На этот раз мне не возражали.

– Что ты себе позволяешь? – набросился на меня Леонер, едва за нами закрылись двери покоев принца. Они с Мельвидором вызвались проводить «его высочество» и задержались, чтобы устроить мне головомойку.

Монах замахнулся на меня, и я был вынужден отпрыгнуть от него в сторону.

– Да ничего я такого не сделал! – дал я волю праведному гневу. – Они разговаривали с принцем, как с лишайной собакой...

– Вот именно, что с принцем, – перебил меня Леонер, – не с тобой, а с принцем. Чувствуешь разницу?

– Чувствую, – огрызнулся я. – Потому что разговаривать так с собой я бы не позволил.

– Да ты...

– Успокойтесь. – Маг встал между нами, не дав случиться смертоубийству, к которому, судя по всему, монах уже был готов. – Леонер, остынь.

– То-то же, – буркнул я.

– А ты, – тяжелый взгляд старика пригвоздил меня к месту, – должен понять, что это не игрушки. Министры – очень опасные люди. Особенно Сакернавен. Кого-кого, но его злить не стоит. Эридан никогда бы и слова против ему не сказал.

– Ну и осёл, – отозвался я.

Мельвидор скривился – давно было понятно, что он относился к Эридану с особой любовью и на любые антикомплименты в адрес принца реагировал болезненно.

– Мальчик мой, – снова воззвал маг к моему здравому смыслу, – тебе нужно переждать всего три дня, всего три. Если ты хочешь вернуться домой живым, не зли министров, особенно Сакернавена.

– Вы мне угрожаете? – вспыхнул я. «Если хочешь вернуться домой живым» – очень мило.

Но волшебник покачал головой.

– Не я, к сожалению, не я. Когда Эридан вернется, ему еще придется расхлебывать то, что ты сегодня натворил.

Тут я был не согласен категорически: принц должен еще

быть мне благодарен за то, что я за один ужин смог сделать то, что не удавалось ему годами – поставил министров на место.

– А вы не думали, что это ваше «когда Эридан вернется» может никогда не наступить? – озвучил я свои мысли. – Может, он сам сбежал подальше отсюда? – Я бы на его месте точно сбежал из этого сумасшедшего дома.

Монах и маг переглянулись, стало ясно, что им тоже приходили в голову подобные мысли.

– Он не мог, – отрезал Мельвидор.

– Он бы не стал, – поддакнул Леонер.

Поразительное единодушие, чтоб их.

– Андрей, ты меня понял? – снова начал волшебник. – Не вздумай завтра повторить свои подвиги.

Я окончательно обиделся, но вынужден был признать их правоту. «Не моя война», – строго напомнил себе.

– Понял, понял, – окончательно сдался я.

– А теперь ложись спать.

– И не вздумай выходить из комнаты ночью, – добавил Леонер. – Утром мы за тобой придем. С утра отошли слугу и жди нас.

Нет, ну это уже слишком – оказаться в другом мире и ничего не посмотреть!

– Я что, даже прогуляться не могу? – возмутился я.

– Не можешь, – отрезал маг. И они оба вышли из комнаты.

Прекрасно! Просто замечательно!

Я покружился по комнате в бессильном гневе. Во что они меня втянули? Тут не королевский замок, а настоящее змеиное гнездо. И что же это получается, кроме темных коридоров и рож министров, я так ничего и не увижу? Нет, так не пойдет.

И я решительно распахнул дверь.

Сразу за дверью обнаружили двое стражников, каждый из которых был в несколько раз мощнее и на целую голову выше меня.

– Вы куда-то направляетесь, ваше высочество? – осведомился один из них, нависнув надо мной, не то чтобы угрожающе, но предостерегающе точно.

Или я чего-то не понимаю, или в этом ненормальном королевстве принц должен спрашивать разрешения у своей же стражи?

– Направляюсь, – ответил я с великолепным королевским апломбом, только вот моя наглость как-то не помогала против их «королевских» размеров: уходить с моего пути стражники не собирались. – Или я не могу пойти куда мне заблагорассудится по своему желанию?

– Конечно можете, ваше высочество. – Стражник красноречиво положил руку на дверной косяк. – Но господа министры крайне обеспокоены вашим здоровьем и попросили нас проследить за тем, чтобы вы как следует отдохнули. О том же просил и господин Мельвидор.

Ясно... Министры контролируют Эридана, а волшебник

меня, в итоге из комнаты меня без скандала не выпустят. Ладно, обидно, конечно, но, если начну протестовать, четвергования избежать вряд ли удастся.

Я выдавил из себя улыбку.

– Обязательно передам министрам и господину Мельвидору, что вы *великолепно* справляетесь со своими обязанностями. – И хлопнул дверью.

Все становилось интереснее и интереснее. Ясно, что Эридана найдут не скоро, я на его месте уж точно позаботился бы о том, чтобы меня долго искали...

Не желая сдаваться, подошел к окну и распахнул ставни. Настроение было дурацкое, и я был готов на всякие глупости из чистого упрямства, например, выбраться из этой комнаты через окно. Только вот опять мои планы рухнули – на окне стояли решетки. Если бы я вел дневник, этот день стоило бы назвать «День Обломов», именно так – с большой буквы.

Потайных дверей в комнате не обнаружилось, никаких люков в полу или на потолке... Пришлось смириться с тем, что придется остаться здесь и ждать утра. Обидно, ясное дело, но я все-таки обещал Мельвидору и Леонеру помочь и пробыть здесь эти злополучные три дня.

Вздохнул, еще раз посмотрел на зарешеченное окно и с досадой захлопнул ставни.

Глава 3

Совершенно не помню, как уснул. Наверное, за этот бесконечный день я все-таки устал, потому что повалился в сон, даже не потрудившись раздеться. Помню, как еще долго бродил по комнате, потом сидел на кровати и размышлял над тем, какая разная жизнь досталась нам с двойником. Затем пытался представить себе Эридана, понять, как вышло так, что из наследника престола он позволил превратить себя в ширму, потом... А потом, видимо, навалилась усталость, и я уснул.

Разбудил меня слуга, как и было обещано, принес новую одежду. И я выпроводил его вон, как велели.

Ненавижу подчиняться. Не люблю, когда мной командуют и решают за меня. И мне было необычайно трудно заставить себя слушаться мага и монаха. Недаром же и учителя, и собственная мать считали меня совершенно неуправляемым. Вот и сейчас мне больше всего хотелось возмутиться и начать качать свои права. Хотелось, но и головой я понимал, что Мельвидор и Леонер правы: я здесь никто, и все друзья и враги в этом мире вовсе не мои, а принца Эридана, а стало быть, совершенно глупо и бессмысленно пытаться показывать характер. Мои проводники в Карадену, может, и командовали мной, но так они лишь пытались меня защитить, и, по сути, будем смотреть правде в глаза, между мной и чет-

вертованием стояли только Мэл и Леонер.

Но, несмотря на все понимание ситуации, смириться с положением безвольного телка было тяжело. И куда подевался этот дурацкий принц? Ну не мог же он просто взять и испариться, как капля воды?

Я принялся одеваться в принесенный наряд. Этот костюм был точной копией моего вчерашнего, но не похоронно-черным, а темно-синим. Мельвидор успел объяснить, что синий с серебром – родовые цвета Дайонов, правящей династии Карадены. В повседневной жизни принц носил черное, а в синее облачался только по торжественным случаям, и сегодня был один из них – Большой Совет.

Хотя цвет камзола и был очень темным и глубоким, по сравнению с черным, он мне понравился. У меня даже глаза стали казаться голубоватыми на его фоне.

Я покрутился перед зеркалом в человеческий рост, гадая, сколько раз Эридан собирался на Совет в этой самой комнате перед этим самым зеркалом. И сколько ни думал и ни пытался понять, мне упорно лезло в голову, что принца не похитили, а он сам сбежал. Один ужин с министрами ясно показал мне, как нелегко приходилось Эридану жить в этом замке, и в этом я вполне его понимал, мне самому очень хотелось сбежать и спрятаться под пристальными холодными взглядами министров и их домочадцев. Не понимал другого: как человек, которого с детства должны были готовить к трону, мог так безответственно все бросить?

– Эридан, куда же ты подевался? – пробормотал я, пялясь на себя в зеркало. Отражение молчало, мой двойник был далеко отсюда, а мне предстояло сегодня отдуваться за него.

В дверь постучали.

– Кто там? – спросил я, точно галчонок из «Простоквашино».

– Это я, ваше высочество, – ответил мне голос Мельвидора. – Вы готовы?

– Конечно. – Я распахнул дверь, и маг быстро скользнул по мне взглядом, проверяя, все ли в порядке с моим внешним видом. Проведя краткий осмотр и не найдя никаких отклонений, он поманил меня за собой.

– Пойдемте, принц.

– Вы всегда так обращаетесь к Эридану? – спросил я.

– Принц... – начал было маг, но я перебил его:

– Знаю, знаю, здесь и у стен есть уши, но ответьте мне на вопрос, потому что я ровным счетом ничего не понимаю. По моему, вы один любите принца, и вы же один разговариваете с ним так официально, что тошно становится. Почему?

– Я подчиняюсь традиции, – сдержанно ответил Мельвидор и поторопил меня.

Я мысленно выругался и последовал за ним. Все! Я пас! Черт голову сломит в их взаимоотношениях, а мне моя голова еще пригодится.

Наместники провинций Карадены были разного возраста, разной комплекции и с разным цветом кожи. Я приветливо кивал каждому, улыбался и принимал привезенные ими дары. Даже Леонер был мной доволен, потому что я вел себя, как самый тихий и культурный человек на свете – решил вести себя как положено, чтобы удалиться из этого мира с чистой совестью.

Однако Совет оказался далеко не таким скучным мероприятием, как ожидалось. Каждый из восьми наместников рассказывал о достижениях своей провинции за последний год, о нововведениях, об отмене старых, изживших себя законов... Мельвидор сказал мне только делать вид, что слушаю, но я был на самом деле внимателен. Наместники рассказывали обо всем с гордостью, но нужно было быть круглым идиотом, чтобы не понять, что дела Карадены не так хороши, как им хочется показать. Например, интересы трех провинций столкнулись с интересами соседних государств, и было очевидно, что назревают сразу несколько военных конфликтов. Однако министры по этому поводу опасений не выказали, молчал и я, хотя высказаться мне хотелось.

Да как эти люди вообще могут управлять королевством при таком равнодушном отношении к нему? На месте Эридана, я бы давно уже разогнал весь этот балаган и нашел людей, которым действительно не безразлична судьба Карадены.

Впрочем, на место принца Эридана мне совсем не хоте-

– Конечно, ваше святейшество, – ответил благоразумно, проглотив все готовые сорваться с языка вопросы и лишь едва заметно нахмурившись. – Вы правы, откладывать не стоит.

Хотелось бы мне знать, на что я только что подписался. Министры были спокойны, наместники тоже вели себя так, будто им прекрасно известно, о чем говорил церковник.

У меня появилось нехорошее предчувствие. Почему Мельвидор подробно рассказал обо всем, что ждет меня в эти дни, и ни словом не обмолвился об этом загадочном Святом Часе Благословения? Я перебрал в голове все возможные причины и пришел к единственному возможному выводу: он побоялся того, что я откажусь. Что же это за штука такая?..

– Пойдемте, принц! – Леонер подхватил меня под руку и потащил впереди всей процессии.

– Какого лешего? – прошипел я.

– Понимаешь... – Монах скосил глаза и удостоверился, что мы прилично обогнали остальных. – Эридан – неофициальный глава государства, он всего лишь принц. Пока король Лергиус жив, он является истинным правителем, а значит, наместники должны делать отчеты перед ним.

– Тогда на черта они полдня распинались передо мной?

– Потому что... – Он запнулся. Странно, все время нашего знакомства Леонер был резок на язык и за словом в карман не лез, а сейчас, казалось, ему трудно подобрать сло-

ва. – Потому что традиционно принято считать, что если знает принц, то знает и его отец.

– Это каким же образом? – буркнул я.

– Я прочту молитву, когда ты... – Леонер снова сглотнул и закончил: – Когда ты встанешь на колени перед кроватью короля и возьмешь его за руку.

У меня сердце ухнуло и скатилось куда-то к пяткам. Если бы монах не держал меня под руку, я, наверное, встал бы на месте и не сделал бы ни шага. Так же только замедлил шаг.

– Леонер, я не могу, – чуть ли не взвыл я.

– Целая Карадена или твоя детская слабость, – ответил он и распахнул передо мной огромную дубовую дверь. Я даже не заметил, когда мы успели к ней подойти.

Вот почему они не говорили мне об этой традиции заранее. Конечно, я бы отказался, я же не мазохист. Соглашаясь сыграть Эридана, я понимал, что где-то в замке находится двойник моего отца, но даже подумать не смел, что мне придется его увидеть.

Но уже нельзя было повернуть назад. За мной стояли правящие круги Карадены, можно даже сказать, дышали в спину.

«Хочу домой», – мысленно простонал я, помедлил в дверях, но все же заставил себя войти в большую светлую комнату.

Помещение действительно было большим. А еще большой была кровать, на которой лежал мой отец... двойник

моего отца. У него было совершенно безмятежное выражение лица, будто он уснул только что, а не десять лет назад. Простыни, одеяло и подушка были вышиты золотом, позолоченные шторы на окнах, золотые подсвечники, золотые чаши – все это великолепие казалось таким фальшивым здесь, в комнате, где умирал человек.

Леонер прошел и встал у изголовья кровати короля.

– Подойдите, ваше высочество, – поторопил он меня.

Я приблизился на ватных ногах, не в силах отвести взгляд от человека, лежащего на кровати. А я-то думал, что забыл его лицо. Думал, что все забыл. А они заставляют меня переживать все сначала.

«Никогда вам этого не прощу», – думал я, опускаясь на колено перед королевской кроватью.

Рука короля была сухой, но мягкой и теплой и, вопреки моим страхам, ничем не напоминала руку мертвеца.

Слова читаемой молитвы звенели где-то над головой, но я их не слышал, проваливаясь в прошлое.

Равнодушные люди заполнили помещение и наблюдали за всем с плохо скрытой скукой.

«Не мудрено, что король не поправляется столько лет, – зло думал я. – В такой атмосфере умереть гораздо желаннее, чем жить...»

Леонер замолчал.

Я поднялся с колен и быстро вышел из комнаты. Пошли они со своим церемониалом. Я сделал все, что было в моих

силах, остальное – за гранью. В конце концов, сами ясно дали понять, что Эридану плевать на дела Карадены – вот пришел на Совет, посидел, не отсвечивая, а потом сошел со сцены, так что никто его уходу не удивится.

Следовало благоразумно отправиться в свои покои, но мне невыносимо было находиться в этой коробке. Да как же они живут в этом мире, где мне на второй день хочется удавиться?

После обеда наместники выразили желание прогуляться по королевскому парку, и я с несколькими министрами составлял им компанию. Топографическим кретинизмом я никогда не страдал, поэтому и сейчас легко нашел выход из замка, отмахнулся от предостережений охраны и вышел – практически выбежал – в сад. А стража... Попробовали бы они меня задержать – с таким-то настроением мне было совершенно все равно, что последовало бы за этим, скандал закатил бы точно. Но, по-видимому, на сегодня приказа никуда не выпускать принца не дали ни маг, ни министры, поэтому никто даже не попытался меня остановить.

Сад был огромен, сплошь засажен фруктовыми деревьями, цветами и кустарниками. Только днем у меня разбежались глаза от многообразия и пестроты растений, сейчас же здесь было полутемно, слабый свет падал на лужайку из окон замка. Чуть дальше горели фонари, но туда я не пошел. Тем-

нота и темные мысли.

Садисты долбаные. Да что же это такое? Сначала смирененько просят помочь, а потом наглеют на глазах и засыпают новыми фактами. Да рассказали бы мне обо всем сразу и во всех подробностях, ни за что бы не согласился. Если бы... Вечно это проклятое «бы»!

Настроение было скверное. Если вчера из меня било фонтаном желание посмотреть, что да как в этом мире, то сегодня я бы уже с радостью вернулся домой.

Эридан, где же ты?..

Я с надеждой посмотрел в звездное небо, будто пытался отыскать ответ там. Но отвечать мне не собирались. Тогда подошел к ближайшему дереву (не помню, кажется, это была яблоня) и опустился на влажную от ночной росы траву. Прижался спиной к тонкому стволу и закрыл глаза.

Было единственное желание – просидеть здесь всю ночь, чтобы никого не видеть, и чтобы никто не видел меня. Но, если вчера был просто «День обломов», то сегодня определенно «День обломов. Часть II».

Я вздрогнул, услышав приближающиеся шаги, но быстро успокоился, разглядев переливающиеся в темноте серебристые звезды на одежде.

– Андрей, ты в порядке? – Волшебник присел на корточки рядом со мной, подобрав полы длинного плаща.

Я знал, что маг не виноват, он только печется о благе королевства, и не стоит на него обижаться. Но обида была. Та-

кая же детская обида, как и те детские раны, которые они так легко сумели разбередить.

– Нет, я не в порядке.

Больше я ничего говорить не собирался.

Мельвидор помолчал со мной пару минут и закинул пробный шар:

– Мы ошиблись, не сказав сразу обо всем, что от тебя требуется. И... мы очень благодарны тебе, что ты не подвел.

– А как я благодарен...

– Что ж, – вздохнул волшебник, – вижу, что извиняться и что-либо объяснять бесполезно. И я понимаю, что сейчас тебе хочется побыть в одиночестве, но если принц будет всю ночь сидеть в саду прямо на земле, это вызовет если не подозрения, то уж точно вопросы.

Мельвидор снова был прав, вне всякого сомнения, и, хотя соглашаться с ним мне совершенно не улыбалось, выбора у меня не было. Я подписался на три дня, а еще не закончился и второй.

– Ладно. – Я поднялся с травы. – Пойдемте.

– Я провожу тебя в покои принца. – Маг выглядел вполне удовлетворенным. Видимо, он и не ожидал от меня другой реакции.

– Ладно, – повторил я, а потом зачем-то уточнил: – Вы вернете меня завтра домой?

– Конечно, вернем, – пообещал Мельвидор.

И я поверил, поверил, как верят дети взрослым, которые

говорят: «Все будет хорошо».

Наместники уезжали с помпой. Их приезд был прост, и на приветствия ушло не больше часа. Однако проводы затянулись. Я-то думал, что они быстренько уберутся с утречка, и мне таки удастся увидеть что-нибудь интересное в мире, который вечером покину. Нужно же вынести из своего путешествия хоть что-то позитивное. Но так уж в последние дни повелось, что ни одно из моих желаний не сбывалось – проводы наместников продлились до вечера.

Я вручал им подарки, заранее приготовленные министрами, вежливо кивал в ответ на глубокие поклоны и всеми силами боролся с желанием отвести взгляд, когда они все как один заглядывали мне в глаза, скороговоркой выражая надежды, что я не забуду о проблемах их провинции и уделю им должное внимание. На самом деле мне хотелось провалиться сквозь землю, потому что я прекрасно понимал, что мои заверения являются ложью: если Эридан и вернется, начхать он хотел на беды Янтарной, Багряной и всех остальных Караден.

Только с наступлением темноты наместники окончательно распрощались и уехали, а министры убрались восвояси по своим апартаментам. Я же, Мельвидор и Леонер заперлись в комнатах Эридана.

– Принца не нашли? – сходу спросил я. Хоть и собирался

покинуть этот мир навсегда, как-то неуютно было от мысли, что их принц затерялся не знамо где.

– Никаких следов, – печально откликнулся маг. – Я его не чувствую. Ума не приложу, что могло с ним произойти.

Я посмотрел на них обоих и все же не удержался от комментариев:

– А я могу.

В ответ на меня посмотрели как на пациента психлечебницы.

– И? – потребовал объяснений монах.

– А что – и? – отчего-то разозлился я. – Сбежал ваш Эридан. А что ему здесь делать? Сбежал, причем явно далеко за пределы Карадены, которая его ни капельки не интересуется.

– С чего ты это взял? – нахохлился волшебник.

– А с того, – уверенно продолжил я. – Да вы только посмотрите, я прожил в шкуре Эридана меньше трех дней, и меня уже тянет лезть на стену. Его же все здесь либо ненавидят, либо презирают, или вообще жалеют, а еще используют и мечтают сбросить с трона. И никто – никто! – ни одна живая душа не любит его.

– Раз ты такой умный, – скептически осведомился Леонер, – так подскажи нам, что теперь делать.

Я пожал плечами: нашел, что спросить, я от их этих закулисных игр далек. Моя главная проблема – как сдать экзамены, а не заниматься политикой королевства из другого мира.

– Объявите о пропаже Эридана, – предложил я. – Да у вас

и выбора-то нет. Ну, появится новый король...

– Династия прервется! – ужаснулся монах.

Мне показалось, что я сейчас взорвусь. Спрашивается, чего я-то переживаю? Это не мой мир, не мой дом, не мое королевство и не мои проблемы.

– Ладно, ладно! – Я замахал руками, словно отгоняя от себя пылевое облако. – Возвращайте меня домой, а потом решайте ваши проблемы столько, сколько будет душе угодно. – Безусловно, мне было интересно, чем у них тут все кончится, однако мое любопытство было гораздо слабее желания поскорее смыться отсюда. Карадену было жаль, а также жаль парализованного короля в холодной золотой постели, жаль обманутых надежд наместников. Жаль Эридана? Возможно, даже его, но я уже помог, чем мог, оставалось только посочувствовать.

Мельвидор и Леонер привычно переглянулись, казалось, они понимали друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда.

– Что ж, – вздохнул монах, – давай, Мэл, мы ведь обещали только три дня.

Маг согласно кивнул, лицо его оставалось печальным.

– Обещали так обещали, – согласился он и вопросительно взглянул на меня. – Переодеваться будешь или так вернешься домой?

Ну-ну, представляю себя в этой одежде в своем мире. В лучшем случае решат, что я артист, а в худшем в дурдом от-

прявят лечиться. Тут же вообразил себя с криком скачущего по палате и кричащего: «Я принц! Какое вы имеете право?!»

М-да... Перспектива не ахти, хотя весело, конечно... наверное...

– Нет. – Я потрянул головой, отбрасывая видение. – Сейчас переоденусь. Только не подскажите, где мои вещи?

– Здесь. – Мельвидор хлопнул в ладоши, и моя одежда оказалась прямо передо мной. – Я боялся, что кто-нибудь из слуг может наткнуться на них, а потому припрятал подальше, – пояснил он.

Мне было глубоко плевать, где и как хранились вещи, лишь бы поскорее натянуть их на себя и убраться из этой черной дыры, и я принялся переодеваться.

После того, в чем приходится ходить Эридану, моя одежда показалась потрясающе удобной. Джинсы, кроссовки и рубашка – да о такой роскоши любой принц может только мечтать.

Когда вышел к Мельвидору и Леонеру, они о чем-то переговаривались вполголоса, но немедленно замолчали.

– Я готов, – провозгласил я.

– Одежда принца идет тебе гораздо больше, – фыркнул монах. – В ней ты выглядишь умнее.

В ответ я только скривился. Лучше уж выглядеть полным дураком, чем жить так, как их наследник престола.

– Итак, иди сюда, – позвал меня волшебник, – дай руку, а ты, Леонер, отойди подальше.

Монах послушно отступил на шаг, а я подошел.

– Удачи тебе, – пожелал Мельвидор, – и прости, что отняли у тебя время.

– Ничего, – на прощание я решил придержать все отрицательные эмоции при себе. – Вы ведь вернете меня в тот же момент, когда забрали?

– Конечно-конечно, – скороговоркой ответил волшебник. – Ну, тянуть нечего. Прощай, Андрей.

– Прощайте. – Я подал Мельвидору руку. Хотелось надеяться, что они найдут настоящего принца и все у них будет хорошо.

Волшебник сосредоточился и коснулся груди левой рукой.

Я мысленно собрался, готовый к тяжелому переходу. Мне, конечно, обещали, что во второй раз будет не так плохо, но я подозревал, что ничего особо приятного лучше не ждать.

Вот сейчас появится сияющая алым дверь, и я окажусь посреди своей комнаты, будто ничего и не было. Потом буду внукам рассказывать необыкновенную историю, произошедшую со мной в молодости, а они будут смеяться и думать, что у дедули старческий маразм...

Вот сейчас...

Сейчас...

Сейчас...

– Не выходит, – внезапно выдохнул Мельвидор, ледяным ветром ворвавшись в мои мысли.

– Как – *не выходит*? – мой голос прозвучал жалко.

– Не паникуй, – попросил меня волшебник.

Не паниковать? Он не может вернуть меня домой, а я, выходит, должен оставаться спокойным, словно дерево, которое безжалостно рубят? А именно таким вот деревцем я себя в тот момент и почувствовал.

– Верните меня, – прорычал сквозь зубы. Подмывало заорать, но я держался, балансируя на грани самообладания.

– Не нервничай, – на этот раз меня принялся успокаивать монах. – Мэл – самый сильный маг во всей Карадене, он найдет выход, во что бы то ни стало. Только дай ему минутку подумать.

Но его спокойный тон на меня не действовал.

– Минута прошла.

Леонер закатил глаза к потолку.

– Паника, – констатировал он. – Мэл, ну что ты молчишь? Что-нибудь можно сделать?

– Я думаю, – отозвался волшебник. И правда, вид у него был задумчивый, а руки непроизвольно поглаживали седую бороду. Теперь он больше напоминал не Мерлина, а Хоттабыча. Но даже эта мысль меня не развеселила.

– Ну и что же вы надумали? – саркастически поинтересовался я, но мой вопрос остался без ответа. – Эй! – Мне сделалось по-настоящему страшно. – Ну вы же что-то да надумали? Кто из нас маг? Возвращайте, откуда взяли!

– Не кричи! – на этот раз меня принялись успокаивать в

один голос. Но я еще вовсе не кричал, только чуть повысил голос, на самом деле мне хотелось орать и биться головой об стену.

Меня накрыла настоящая паника. Перспектива остаться в этой каменной коробке показалась равносильной смертному приговору. В этот миг я думал, что лучше вообще повеситься к чертовой матери, только бы не оставаться в этом ненормальном мире.

Выдохнул, пытаясь успокоиться и унять разогнавшееся сердцебиение.

– Возвращайте, – спокойно, но настойчиво повторил я. – Вы меня сюда привели, вам меня и вытаскивать.

– Андрей, прости, – у волшебника даже голос переменялся, и весь он разом стал ниже и старше. – Андрей, мне правда очень жаль, но я не понимаю, что произошло. Моя магия никогда не давала сбоев. Это что-то из ряда вон выходящее.

– И что мне теперь делать? – Извинения волшебника – это, конечно, хорошо, но лучше бы он что-нибудь придумал, вместо того чтобы каяться. Из ряда вон у него вышло... Ну, почему все, что связано со мной, вечно происходит не как у людей? – И что *мне* делать? – громче повторил я, сделав ударение на слове «мне».

– Ждать, – безжалостно ответил Мельвидор. – Я обещаю, что, как только появится возможность, отправлю тебя домой.

Я похолодел.

– А если возможность не появится? – Мать вашу, да о какой возможности идет речь? – Вы забрали меня из моего мира, притащили неизвестно куда, три дня осыпали испытаниями, сдабривая их жирной порцией обещаний, а в итоге: «Прости, Андрюш, но мы замуруем тебя здесь». Так, что ли?

– Андрей, я бы с радостью, – снова начал оправдываться волшебник, – но...

– Стоп, Мэл, не гони, – вмешался Леонер. – Ты по крайней мере догадываешься, в чем причина этого твоего «сбоя»?

Волшебник задумчиво пожевал губу, прежде чем ответить.

– Догадываюсь, – сухо произнес он и посмотрел на меня с совсем уж виноватым видом.

– Колитесь, – устало попросил я, чувствуя, что злоба уступает место тупому отчаянию, – чего уж тут...

Маг непонимающе уставился на меня.

– Колоться?

Черт, совсем забыл, что в этом мире даже одежды нормальной не знают, не то что слов.

– Рассказывайте, – пояснил я. – Не бойтесь, разрыв сердца у меня не случится. – Оно у меня уже и так почти не билось.

– Я думаю, – медленно и очень серьезно сказал Мельвидор, – что все случилось из-за нарушения равновесия между мирами.

– И какой же гад это равновесие нарушил?

Волшебник виновато понурился.

– Боюсь, что мы.

Тут до меня дошло, что он хочет сказать. И о чем я только думал, соглашаясь на эту неправдоподобную авантюру?

– Вы имеете в виду, что... – я даже не смог заставить себя закончить фразу – слишком уж страшная и безнадежная вырисовывалась картина.

Мельвидор горестно склонил голову.

– Боюсь, что так, Андрей. Мы не подумали об этом, но ведь мы создали прецедент – раньше оба двойника никогда не оказывались в одном мире больше, чем на несколько часов. Похоже, то, что и ты, и Эридан находитесь здесь, мешает открыть проход. Баланс нарушен.

– И что же делать? – в очередной раз повторил я, как заводная кукла.

– Ждать. Пока не найдется Эридан, я ничего не могу сделать. Когда вы оба окажетесь передо мной, возможно, я сумею открыть проход, снова все исправив. – Маг очень серьезно смотрел мне в глаза. – Я обещаю сделать все, что от меня зависит, чтобы вернуть тебя домой. Ты мне веришь?

– Конечно верит, – ответил за меня Леонер и тут же тоже воззрился на меня. – Или нет?

Ответить «я не знаю» язык не повернулся. Они оба так искренне переживали, особенно Мэл, что не смогли исполнить обещание и вернуть меня домой, что я не мог ответить иначе.

– Верю, – слетело с моих губ. И я действительно поверил,

хотя бы потому, что больше мне ничего не оставалось в таком беспомощном положении. – А если мы не найдем Эридана? И что мне делать, пока будут вестись поиски?

У Леонера даже глаза увеличились от удивления, что я задал такой глупый вопрос.

– Как – что делать? Продолжать играть Эридана.

Он сказал это с таким видом, будто у меня и выбора не было. Мне его тон не понравился, и я немедленно возмутился:

– Да я свихнусь, притворяясь этой ходячей марионеткой! Его же здесь никто за человека не считает!

– Тогда кем ты здесь будешь? – ехидно поинтересовался монах. – Крестьянином? Или конюхом? У тебя внешность Эридана, а значит, пока его здесь нет, для всех Эридан – ты.

– Действительно, – поддержал Мельвидор эту идею, – это наилучший из возможных вариантов. А когда мы найдем Эридана, все встанет на свои места.

– Я здесь умру... – мой голос прозвучал совсем тихо, потому что я понял, что не согласиться не могу. Леонер был прав: у меня не было выхода.

– Эридан же не умер за столько лет, – парировал маг. – Тебе придется ждать самую малость по сравнению с тем, сколько он прожил в таких условиях.

– А если на поиски уйдут годы? – не сдавался я.

– Мы разыщем его, – заверил Леонер, – но, если параллельно будет вестись борьба за трон, это сделать станет го-

раздо труднее. А борьба за трон неминуемо начнется, потому что на него будут претендовать практически все министры.

– Так ты сможешь?

Ну что я мог сказать? Меня приперли к стенке. Домой не вернуться, а здесь я не мог быть никем, кроме Эридана.

– Я попытаюсь, – ответил, чувствуя, что на этот раз подписал себя окончательный приговор.

– Мы найдем его, – опять повторил Мельвидор. Видимо, он думал, что чем больше повторит эти слова, тем больше я в них поверю.

А отчаяние тем временем переросло в черную безнадежность...

– Оставьте меня, а? – тихо попросил я. – Я хочу побыть один. Пожалуйста.

На душе было так мерзко, так противно. У меня не было выхода. Я был беспомощен, как новорожденный котенок, которого собираются утопить... Мои мысленные ассоциации становились все мрачнее и мрачнее. Великолепно!

– Я хочу побыть один, – повторил тверже, – думаю, если бы Эридан попросил вас оставить его, вы бы не возражали.

Но оба молчали и не двигались с места.

Мне стало совсем скверно. Эти стены давили. Люди в замке меня пугали. Перспектива прямо-таки ужасала.

Не выдержав сочувственных взглядов тех, кто был виновен в свалившихся на меня бедах, я отвернулся.

«Ты не имеешь права их в чем-то обвинять, – строго ска-

зал себе. – Они никуда не тащили тебя насильно. Ты сам согласился, теперь расхлебывай...»

– Оставьте меня, – в третий раз уже практически закричал, но не повернулся.

Чья-то рука легла на мое плечо.

– С тобой все в порядке? – заботливо спросил Мельвидор.

Черта с два все в порядке. Ничего не в порядке. Я не в порядке. Моя жизнь не в порядке. Этот мир не в порядке. Все катится к черту, и я тоже качусь в эту бездну, на дне которой в темноте светятся кровавые буквы: «*Я не могу вернуться домой!*»

– В порядке, – тихо ответил я. Сил, чтобы злиться, не осталось.

Наконец, они вышли. Поняли, наверное, что сейчас разговаривать со мной бесполезно. Я чувствовал себя совершенно разбитым. Но у меня действительно не было выхода, кроме как довериться Мельвидору и Леонеру.

– Эридан, кажется, я тебя ненавижу, – прошептал я в тишину, потом сел на кровать, обхватив голову руками.

Торопиться мне было решительно некуда.

Я с тоской провел рукой по голубой джинсовой ткани. Завтра ее сменит черный костюм принца. Завтра... Вот тебе и решил помочь людям...

Глава 4

Если в прошлую ночь я спал как убитый, то в эту меня мучила бессонница. Я не знал, что мне делать и как себя вести. Понимал, что если буду, как Эридан, сидеть тихонько и работать исключительно вывеской, то сойду с ума. С другой стороны, мне нельзя было вести себя так вольно, как привык в своем мире, иначе кто-нибудь непременно догадается, что я не тот, за кого себя выдаю. Да и вообще, как я могу качать здесь свои права?

Так я продумал всю ночь, но так и не пришел ни к какому решению. Понял только одно: если буду помалкивать, как Эридан, его возвращения точно не дождусь. И все же играть его придется, и от этого никак не отвертишься. А это значит, что мне надо умудриться вложить в свое поведение часть себя и часть Эридана. Звучит отвратительно, но, сколько бы ни ломал себе голову, альтернатива не обнаруживалась.

Вот с такими мыслями я и провел эту ночь, если и засыпал, то на несколько минут и вновь просыпался, чтобы снова погрузиться в мрачные рассуждения. Больше всего на свете боялся, что Эридана никогда не найдут, и я навсегда останусь здесь. Бр-р-р!

Промучившись всю ночь, под утро я, наконец, уснул и, наверное, проспал бы до обеда, если бы меня не разбудил мальчик-паж лет десяти.

– Ваше высочество, господа министры ожидают вас на завтрак, а затем на срочный Совет, чтобы обсудить выслушанные вчера доклады наместников, – сообщил мальчишка.

От такого объявления я, честно говоря, даже растерялся. Это кто кого ждать должен? Они, конечно, принца ни в грош не ставят, но все же церемониал уважать обязаны. Хоть бы видимость уважения соблюли. С какой такой стати принцу назначают встречу в приказном порядке? Или Эридану кричали: «К ноге!» – и он бежал навстречу, радостно виляя хвостом? Похоже на то...

– Срочный, говоришь? – мстительно переспросил я.

– Я передам господам министрам, что вы будете через четверть часа, – скороговоркой выдал паж и попытался выскользнуть за дверь.

– А ну, стоять!

От моего резкого окрика он замер на месте и испуганно втянул голову в плечи.

Та-а-ак, а это уже интересно: парнишка выглядел так, как будто ожидал, что его сейчас ударят. Значит, Эридан помалкивал перед министрами, а со слугами не церемонился?

– Слушаюсь, ваше высочество, – пролепетал он. Вид у мальчика был испуганный и недоумевающий, он явно не понял, что меня так разозлило, ведь все было, как всегда: министры зовут, принц мчится.

– Это министры приказали мне явиться через пятнадцать минут? – напрямик спросил я, намеренно используя имен-

но слово «приказали».

– Д-да, ваше высочество...

– Отлично, – зло пробормотал я, но тут заметил, что парнишка уже совсем склонил голову, видимо, полагая, что вымещать злобу буду именно на нем. – Тебя как зовут? – вдрызг спросил я, чем удивил пажа еще больше.

– Марон, ваше высочество... – Похоже, он уже решил, что имя спрашиваю только затем, чтобы подписать приказ о казни.

Интересно, я так страшно выгляжу или принц умудрился настолько настращать слуг? Он что, тогда совсем больной, этот наследник престола?

Так толком и не разобравшись в истинной причине страха пацана, я решил оставить это на потом. Сейчас главным было сориентироваться, что к чему и как будут оценены мои действия другими. Подчиняться и бежать по первому зову я не буду – это знал изначально. Но что тогда делать?

Мальчик все еще испуганно смотрел на меня, ожидая, что я изреку нечто членораздельное, я же судорожно пытался собрать обрывки мыслей воедино. Наконец мне это удалось. А чего тут, собственно, думать? Эридан – мой двойник, ну как родственник, что ли, брат-близнец, о котором я никогда не знал. И жизнь его ужасна. Под давлением каких-то обстоятельств или же одному ему известных принципов он не может в открытую возразить министрам. Тогда почему бы мне ему не помочь? В тот момент идея показалась мне просто

гениальной, и меня не остановил даже тот факт, что я только что уже нарвался на неприятности благодаря желанию помочь.

И, раз уж я решил внести все-таки кое-какие коррективы в имидж Эридана, так почему бы не сделать это прямо сейчас?

– Марон, хочешь стать королевским шпионом? – в приливе вдохновения выпалил я.

Пацан выпучил на меня глаза, уже не зная, чего можно от меня ожидать.

– Шпионом? – ахнул он. – Ваше высочество, я не смогу!

Ну-ну, это мы не можем, этого мы боимся... А мне что делать, если я тоже ничего не знаю, не понимаю и не умею? Кроме того, Мельвидор и Леонер, как бы ни сочувствовали моему положению и ни признавали своей вины, никогда не будут со мной достаточно откровенны. А мне нужна информация, иначе просто-напросто задохнусь. Какой смысл вставлять министрам палки в колеса, если даже не увижу их реакции?

– Сможешь, – отрезал я тоном полководца, отправляющего солдата на смертный бой, – еще как сможешь. И брось это испуганное бормотание. Поменьше повторяй слово «высочество» и побольше дела. Ну, так как?

– Шпионом? – снова переспросил Марон, а потом наконец взял себя в руки. – И в чем будут состоять мои обязанности? Я усмехнулся: молодец паж!

– Они не будут состоять, – поправил важно, – они уже со-

стоят. Иди к министрам и передай им, что я не желаю делить с ними завтрак, и совещание будет проведено, как только я соблаговолю – именно «соблаговолю», не перепутай – прийти.

Марон разочарованно посмотрел на меня.

– Так какой же это шпионаж? Это и есть моя обязанность: бегать и передавать распоряжения.

– Это не все, – я улыбнулся своей задумке. У меня даже на душе не так тоскливо стало от идеи завести собственного шпиона. – Я должен знать, как отреагируют министры на мое заявление. Как можно подробнее, слово в слово. Сумеешь?

Парнишка слушал меня очень внимательно.

– Сумею, – серьезно кивнул он.

– Тогда иди, жду новостей.

Мальчик выскочил за дверь со скоростью ракеты. Отлично, хоть что-то я сделал, а не сижу, как безвольная амeba. Конечно, Мэл и Леонер меня за подобную выходку по головке не погладят, но, если подумать, я ведь не сделал ничего непозволительного наследнику.

Рассиживаться не стоило, еще предстояло обшарить покои в поисках денег, чтобы заплатить мальчишке за работу, и я поплелся одеваться. Напяливая мрачные вещи Эридана, мечтал только об одном: чтобы этого дурацкого принца поскорее нашли, и я бы мог собственноручно его придушить.

Я чуть не задохнулся от хохота.

– Серьезно? Так и сказал?

– Да, ваше высочество, – очень серьезно подтвердил мальчик. Он только что примчался обратно и повеселил меня реакцией министров. – Господин Ренкел побледнел как снег и сказал, что его никто так не унижал. А когда я вышел, господин Сакернавен начал кричать, что «этого зарвавшегося щенка» он сам утопит в первой же луже.

– Класс! – я необыкновенно развеселился. – Щенок, значит... Как еще?

Тут Марон замялся. Наверно меня обозвали уж слишком неприлично, что у него язык не поворачивался сказать принцу такое в лицо.

– Да ладно ты, – отмахнулся я от всего и сразу. – Говори.

– Господин Варнус назвал вас ничтожеством, а Корвец обнаглевшей помехой.

Тут уж мне сделалось совсем весело. Интересно, а они бы сдержались, зная, что я услышу все их замысловатые реплики, или бы только постарались придумать нечто еще более оригинальное и мерзкое? Нет, пожалуй, прямо Эридану они бы ничего не сказали. Такие люди предпочитают шептаться за спиной, а в лицо бросаться гаденькими намеками, рассчитанными на то, что собеседник глуп как пробка и ничего не поймет.

Мне дико захотелось преподнести этим самоуверенным министрам какую-нибудь гадость. Наверное, так чувствуют

себя наркоманы: сделают укол, и скоро уже нужен второй. Вот и мне срочно понадобилась еще одна доза действий. Раз уж придется торчать здесь некоторое время, то почему бы немного не подогнать ситуацию под себя?

Перед возвращением мальчишки я успел найти в столе кошель с мелкими золотыми монетами, размером не больше нашего рубля. Даже расстроился: надо же, принц, а в кошельке одна мелочь.

– Держи, – протянул мальчишке найденные деньги.

Марон же выпучил глаза, но не сделал даже малейшей попытки принять у меня монеты.

М-да... наверно, выглядит действительно глупо, когда высочество, ворочающее миллионами, платит тебе за работу какие-то жалкие три золотые монеты.

Но вдруг мальчик ахнул и даже шарахнулся от меня к двери.

– Ваше высочество! Это же золото! Я не могу!

Вот же блин. Опять пролетел со своими предположениями. Придурак несчастный. Судя по панике на лице мальчишка, я предложил ему чуть ли не месячное содержание всего замка. Да уж, прокололся, но всему есть свои оправдания – откуда я знаю местные деньги?

Так-то оно так, но оплошность надо исправлять в любом случае.

– Ладно, – протянул я, будто меня ни капли не удивило поведение пажа, – вот что, держи пока это, ты заслужил. – Всу-

нул ему в руку одну монету, а остальные положил на стол. – Будем считать это платой за молчание.

– Но я... – промямлил мальчик, потом понял, что я не шучу и наконец собрался. – Благодарю вас, ваше высочество!

– Иди. – Я кивнул на дверь, и Марона как ветром сдуло.

Я остался один. Нужно хорошенько подумать, как себя вести, а времени в обрез. Конечно, неплохо заставить министров ждать, но нельзя же им дожидаться меня вечно. Утро потеряно, а я так ничего толком не решил и не придумал. Бездарь – одно слово.

Разозлившись на себя и свою глупость в очередной раз, я наконец привел себя в порядок и был готов к выходу. Эта одежда Эридана меня раздражала, в ней я чувствовал себя старше лет на десять, если не больше. И я решил во что бы то ни стало раздобыть нечто менее мрачное и менее сковывающее движения. Но это после, а сейчас мне предстоял нелегкий бой. Если подумать, даже два, потому что после этой беседы с министрами Мельвидор и Леонер обязательно захотят отвинтить мне шею.

– Почему ты не на Совете? – набросился на меня Мельвидор, едва я вышел из своих комнат.

Уж не знаю, он поджидал меня в коридоре или просто проходил мимо. Хотя во второй вариант верилось с трудом. Интересное дело: вместо того чтобы искать способ отправить

меня домой, он торчит здесь – прочесть мне очередную лекцию. Честно говоря, данный факт меня неприятно поразил.

– А вы меня караулите? – прошипел я. – Ищите Эридана. С министрами я справлюсь.

– С ними нельзя справиться, – зашипел маг в ответ. – Зачем ты бросаешь им вызов?

Вызов? Это у них вызовом называется? Принц не подчинился своим же министрам, а это уже рассматривается как измена Родине.

– Вы обещали вернуть меня домой через три дня, – как можно спокойнее напомнил я, хотя внутри у меня все кипело, – сегодня день четвертый. Этот замок – сумасшедший дом, жизнь Эридана невыносима. Так вот, я не зарываюсь, просто пытаюсь добиться для принца хоть капли уважения.

Мельвидор молчал и задумчиво глядел на меня, словно хотел что-то сказать, но, как я понял, что бы маг ни собирався высказать, он решил припасти слова на потом. Вот и хорошо, без проповеди прекрасно обойдусь.

– Проводите меня в Зал Советов, – попросил я. – Меня министры ждут.

Волшебник все еще не спускал с меня глаз.

– Ты обещаешь не делать глупостей? – спросил он.

Ну, если бы он знал меня лучше, то ему было бы известно, что я и глупость – понятия неразделимые.

Выдержал его пристальный взгляд и ответил:

– Обещаю не делать глупостей, так же, как и вы обещаете

вернуть меня домой.

Мэл нахмурился.

– И что это значит?

Маг спрашивал это для проформы – по его взгляду я видел, что он прекрасно понял, что именно я имел в виду.

– А это значит, что я ничего не могу гарантировать.

Волшебник хмыкнул, но тему продолжить не успел – в начале коридора показался слуга.

– Пойдемте, – сказал Мэл громко, сразу же переходя на официоз, – я провожу вас до Зала Советов, ваше высочество.

– Его высочество наследный принц Эридан Дайон! – объявил слуга, и я вошел в «Большой Зал Советов», как свидетельствовала резная надпись над дверями.

Меня встретили кислые лица министров. Хотя «кислые» – это далеко не полное определение, да и «лица» – слово, к красным от злости физиономиям подходящее слабо. У самого толстого министра, Сакернавена, которым меня так пугали в первый день, вообще был такой вид, будто еще миг – и у него из ушей дым повалит.

Вот и отлично. Нужный градус достигнут. Разве не этого я хотел? Эффект неожиданности сделал свое дело. Сейчас министры пребывали в полной растерянности, не зная, чего еще ожидать от свихнувшегося принца.

«Ждите, ждите», – злорадно подумал я и прошел к сво-

бодному стулу во главе стола, запоздало подумав, что не имею ни малейшего понятия, что буду говорить.

– Сожалею, что вам пришлось ждать, – бросил пробный шар, решив еще больше ошарашить их своей любезностью, и правда, лица министров удивленно вытянулись: они-то рассчитывали начать с выражения претензий, но на мою вежливость ответить хамством напрямую было нельзя, я ж *Его Высочество* все-таки. – Вчера я чудовищно устал, а потому хотел как следует отдохнуть перед сегодняшним обсуждением дел. – Под конец своего признания я виновато улыбнулся, чем окончательно всех поразил.

Черт, да я артист!

Точнее артист, стоящий одной ногой в могиле, если немедленно не придумаю, что говорить дальше...

Да, я вел себя непоследовательно, кидаясь из крайности в крайность, но переиграть министров мог только одним единственным способом: заставить их растеряться и не позволить просчитать мои шаги наперед.

Моя задумка удалась: теперь на меня смотрели как на умалишенного. Отлично, пусть думают, что наследник сошел с ума, лишь бы никому не пришло в голову, что его подменили.

Прошла целая минута, но никто так и не произнес ни слова. Министры не дураки, решили дать принцу докопать себе могилу до конца. Но, раз меня уже понесло, остановиться я не мог.

– Итак, – произнес как ни в чем не бывало. – Что сегодня на повестке дня?

Министры как-то подозрительно переглянулись. Вот теперь я, кажется, поверг их в полный шок. Знать бы еще почему? С чего бы это? Теперь-то что не так сказал?

Но вскоре я понял, почему произошла заминка.

– Я вижу, долгий сон пошел его высочеству на пользу, раз он так рьяно заинтересовался делами королевства, – медленно, подбирая каждое слово, произнес худой и длинный, как сухая ветка, министр.

Сходу вспомнить его имя я не смог. Старательно перебирал в голове запомнившиеся мне имена этой веселой компании, пытаюсь сопоставить их с описанием Мельвидора. Ну конечно! Господин Варнус. По словам Марона, это тот, который обозвал Эридана ничтожеством. Зато в глаза, смотри-те-ка, какие мы любезные и вежливые, прямо рахат-лукум.

«Рьяно заинтересовался», значит...

Теперь я понял, что всех так удивило. Похоже, обычно Эридан вообще не задавал вопросов и уж тем более не начинал обсуждение первым, а просто старательно изображал глухонемую обезьяну, которую научили писать, чтобы подписывать важные документы.

Мне стало еще обиднее за своего двойника. Что за несправедливость? По идее, мы с ним должны быть одинаковыми, так как же он это все терпел?

– Да, господин Варнус, – улынулся я как можно холод-

нее, – сон всегда идет на пользу. Думаю, отныне я постараюсь лучше следить за своим здоровьем и отдыхом, чтобы интерес к Карадене не пропал.

– Не сомневаюсь, – пробормотал министр и замолчал.

Так, происходящее мне нравилось все меньше. Мельвидор ограничился только основными сведениями, готовя меня на три дня, но теперь обнаруживалось, что моих познаний далеко не достаточно. Вот выучил я, как попугай, как зовут эту банду, а кто из них министр по какому ведомству, естественно, не запомнил. Плохо...

– Итак, кто начнет? – не выдержал я.

– На повестке дня проблемы провинций, – неожиданно заговорил министр, дальше всех сидящий от меня. Господин Шааген, если не ошибаюсь. Что ж, по крайней мере у него на лице не написано, что он меня ненавидит, ну, не меня, конечно, а Эридана. – Янтарная Карадена столкнулась интересами с Самиром. Алая Карадена в крайне натянутых отношениях с Союзом Правобережья, а в Багряной Карадене внутренние беспорядки.

– Ясно, – кивнул я вполне дружелюбно, так как этот министр антипатии у меня не вызывал. Впрочем, не так уж мне все было и ясно.

– Кроме того, каждый наместник старается выгородить себя, а потому нам ничего не известно достоверно, – а тон этого типа мне не понравился.

– И что же вы предлагаете? – поинтересовался с умным

видом. Я в политике ноль без палочки, но они-то нет, вот и пусть себе думают, что Эридан взялся за ум и заинтересовался Караденой и ее цветными провинциями. Может, заодно сами хоть что-нибудь предпримут, вместо того чтобы сидеть на месте и наращивать злобу.

– Я предлагаю оставить все, как есть, – важно предложил министр Варнус, – пока в казну исправно поступают налоги из провинций, нет повода для беспокойства. – Так вот он кто – министр финансов, ну конечно же...

– В Столичном округе много своих проблем, – вставил еще один министр.

Я от такой наглости вообще растерялся, даже забыл, что это я собирался сегодня удивлять их, а не наоборот. Нет, я, ясно дело, в политике ничего не смыслю, но даже у меня хватает извилин, чтобы понять, что, если пустить дело на самотек, Карадена может получить сразу три войны, одна из которых будет гражданской.

Бедную родину Эридана стало искренне жаль. В Столичном округе много своих проблем – гениально! Можно подумать, что провинции не обеспечивают эту самую столицу.

И что же мне делать? Мельвидор и Леонер очень просили не высовываться. Не высовываться... Легко сказать. Король в коме, принц смотался в неизвестном направлении, а мне потом до старости чувствовать себя виноватым, что ничего не предпринял, когда у меня была возможность?

Что ж, тонуть так тонуть...

Я набрался смелости и решил идти ко дну.

– Нет, – отчеканил холодно. – Оставлять, как есть, мы не будем.

– И что же вы предлагаете, принц? – это «принц» прозвучало с отчетливой насмешкой.

«Я предлагаю разогнать вас всех к чертовой матери», – зло подумал я, заодно еще раз разозлившись на Эридана, будущего короля, допустившего ТАКОЕ. Если так пойдет, скоро на свое отражение в зеркале кидаться начну – из-за какого-то дурака-принца я вынужден торчать в этом сумасшедшем доме, да еще и заниматься вопросами, от которых зависят тысячи жизней.

– Пошлите шпионов в эти провинции, – пытаюсь скрыть раздражение, предложил я. А потом сообразил, *что* делаю. Эридан – глава королевства, а министры, соблаговолили, видите ли, выслушать его предложение, всего лишь *предложение*... Нет, так не пойдет... – Пошлите шпионов, – повторил с нажимом. – Сегодня.

– Думаю, стоит вынести этот вопрос на обсуждение, – снисходительно обратился ко мне министр Корвец, тот, что обозвал Эридана «обнаглевшей помехой». Похоже, эти слова слетели с его губ не сгоряча.

Итак, я вспомнил фильмы про королей, которые мне довелось видеть, и попытался скопировать властную интонацию правителей:

– Данный вопрос обсуждению не подлежит. Это приказ.

– Но... – начал было министр и замолчал. Они, конечно, обнаглели, но открыто попереть буром на принца еще не решились. – Как вам угодно, ваше высочество, – и снова эта пренебрежительная интонация на «высочестве».

– Угодно, – заверил я. – И не откладываете.

На этом совещание закончилось.

Когда-то мне казалось, что самый страшный крик, который я когда-либо слышал, – рык директора школы после того, как мы с друзьями развели костер в спортзале и чуть не спалили все здание (кстати, из той школы меня исключили). Оказалось, ошибался. По сравнению с тем, как орал Леонер, директор просто мило беседовал. Монах же вопил так, что мне показалось, у замка сейчас снесет крышу. Хорошо, что Мельвидор – маг и позаботился о звукоизоляции.

– Полдня! – орал глава церкви. – Полдня ты был без присмотра и уже умудрился настроить всех министров против себя, унизить половину из них да еще и заставить выполнять свои приказы! Да Эридан бы ни за что не стал вести себя так вызывающе! Они немедленно догадаются, что что-то нечисто!

Маг вообще молчал, не мешая монаху драть свое измученное молитвами горло. Но по его виду было ясно, что он полностью со всем согласен. Что ж, замечательно.

– Как раз наоборот, чисто! – не выдержал я. – Совершен-

но чисто! – И уточнил: – У вашего Эридана в голове. А у меня там мозги, какие-никакие, но вполне рабочие, и они считают, что сегодня я действовал только на пользу Карадене, в отличие от вашего обожаемого принца, так лихо из нее сбежавшего.

– Ты не Эридан, – настаивал монах, – ты не имеешь права принимать королевские решения!

– Тогда верните меня домой! – вспыхнул я еще больше. – А то я, по-вашему, должен играть Эридана со свободой действий овцы. Даже не овцы! Жертвенного барана! Черта с два! Чего вы от меня хотите? Верните меня домой, и проблем не будет. Или идите и сообщите всем, что я не Эридан.

– Ты же знаешь, что мы не можем этого сделать, – насутился монах.

Тут мне сделалось совсем обидно. Ничего-то они не могут, зато я, по их мнению, почему-то все могу.

– А я не Эридан и не умею вести себя как Эридан, – голос у меня стал какой-то придушенный, от обиды, наверное.

– Остынь, Леонер, – неожиданно заступился за меня волшебник. – Если хорошенько разобраться, Андрей прав, Эридан слишком многое позволял министрам. И этот приказ Андрея был на самом деле разумным.

– Этот разумный, – не сдавался монах, – а следующие? Или, думаешь, теперь он станет паинькой?

Мельвидор очень серьезно посмотрел на меня. Что ж, по крайней мере не враждебно.

– Пожалуй, с дальнейшими приказами и решениями могут быть проблемы, ты ведь ничего не смыслишь в делах королевства.

А кто это отрицал? Я и не говорил, что что-то в этом понимаю. Не я бегал по площади с плакатом: «Возьмите меня в другой мир!» Это они пришли и забрали меня.

Похоже, магу удалось сделать невозможное, потому что Леонер наконец перестал орать и мерить комнату шагами. Остановился.

– И как с ним быть?

Ну вот, междусобойчик устроили. Стоят и решают, что со мной делать, даже не стесняясь, будто меня тут и вовсе нет.

– Может быть, вам стоит дать мне больше информации об этом мире, Эридане и Карадене? – предложил я. – Все равно я не могу замереть на месте, но всем нам будет лучше, если перестану двигаться в темноте и без фонарика.

Мэл и Леонер переглянулись.

– Не нравится мне это, – высказался монах.

Волшебник же еще раз посмотрел на меня, прежде чем ответить.

– Парень за полдня сделал то, что не удавалось Эридану годами – утер министрам носы. И я не думаю, что своими действиями Андрей может ухудшить и без того жуткое состояние Карадены.

– Зато свое может, – не сдавался монах, – и наше, если кто-то узнает, что мы в этом замешаны.

– Если вы меня научите, никто ничего не узнает, – настаивал я. Терпеть не могу чувствовать себя беспомощным. – Расскажите мне побольше о караденских делах, чтобы я мог дождаться Эридана, не упав лицом в грязь.

На лице Мельвидора появилось задумчивое выражение.

– Недолго осталось... – так печально и тихо пробормотал он, что я даже не сразу расслышал.

– Что – недолго осталось? – не понял я.

– Что? – Мэл тряхнул головой, выходя из задумчивости.

– Он имел в виду, что недолго осталось ждать возвращения Эридана, – Леонер пришел на выручку другу.

– Ясно, – протянул я. – Так научите?

Мельвидор потрепал себя за бороду.

– А почему бы и нет? – сказал он таким тоном, будто бросил вызов самому себе.

Глава 5

Никогда не думал, что время может течь так медленно, оно будто остановилось вовсе. Я прожил в Карадене три бесконечные недели, но мне показалось, что прошло не меньше полугода. И эти «полугода» дались мне нелегко.

Поиски Эридана продолжались, но, как и прежде, безрезультатно. Словно он растворился. Не было Эридана, и у меня не было пути домой.

Три недели главной мыслью, которая занимала мою голову, была: «Не хочу, чтобы Эридан вернулся к развалившемуся по моей вине королевству». Честное слово, я старался. И Мельвидор сумел дать мне довольно-таки много информации за это время.

Я учился с таким рвением, что, увидь меня мои школьные учителя, у них бы волосы встали дыбом. Вместе с Мельвидором и Леонером мы решили, что и без того до крайности обозленных министров мне стоит пока избегать. И было объявлено, что принц снова заболел. Министры приняли новость как должное и на моем присутствии не настаивали, может быть, надеялись, что наследник отлежится в своих покоях и снова станет послушным и тихим, каким был до этого.

Для себя же я решил, что раз уж мне суждено притворяться принцем, делать это нужно хорошо, а не наобум. И я учился, впитывал все, что говорил мне Мельвидор, делал записи,

читал книги.

Однако казалось, маг был не в восторге от происходящего, он сильно переживал за Эридана и каждый день обещал мне, что вот-вот вернет меня домой, а иногда останавливался на середине недосказанного предложения и глубоко задумывался. Леонер тоже порой рассказывал мне кое-что об этом мире, но не так ясно, как это получалось у Мэла.

А вообще, у меня создалось такое впечатление, что эти двое все время чего-то ждали. Только много месяцев спустя я узнал, чего именно, а тогда ведь и понятия ни о чем не имел. Думал, может, речь идет о скором возвращении принца?

Считается, что мозг человека никогда не реализует все свои способности, что мы можем понять и запомнить гораздо большее, чем нам кажется, и на пределе сил нужно просто сказать: «Я могу». Оказалось, что это действительно правда. Никогда не думал, что мой мозг способен впитать такое количество информации. Впрочем, наверное, решающим фактором здесь явились не столько способности или их отсутствие, а желание. А его было хоть отбавляй. С одной стороны, хотелось не опозорить имя Эридана, пока его нет, а с другой – совершенно идиотское желание этого самого Эридана обогнать.

Все три недели я практически никуда не ходил, пытаюсь за это время узнать о Карадене и ее обычаях как можно больше. Кое-каких результатов все-таки добился. Не таких больших,

как хотелось бы, но и это было лучше, чем ничего.

Выучил планы замка, имена всех его обитателей, узнал подробности о каждом из министров и их деятельности, а потом просто потонул в истории Карадены и ее современном устройстве. Слишком много имен и событий. Правда, лица, которые волшебник магически показывал мне в соответствии с новым рассказом, сливались воедино, а имена предков Эридана вообще не желали запоминаться, но самое главное я все же уяснил.

Многое узнал и о самом двойнике, его жизни и привычках. Большую часть времени принц проводил в библиотеке, занимался верховой ездой, мечом владел, но сражаться не любил, близких друзей не имел, да и не искал. Зато у него была... жена! Да-да, самая настоящая жена. У меня чуть глаза на лоб не полезли, когда мне сообщили эту новость. Принц оказался женат в семнадцать лет!

Позже, когда шок немного прошел, Мэл объяснил, что особ королевской крови всегда женят или выдают замуж по достижении совершеннолетия. И, как только Эридану стукнуло пятнадцать, его женили на заморской принцессе, которую до дня свадьбы он ни разу не видел. Но, как я понял, отношения принца с женой дальше брачной ночи (кстати говоря, являющейся обязательной и подтверждаемой магами) не зашли, и в дальнейшем супруги жили в разных комнатах и ничем не докучали друг другу.

Также Мельвидор поведал, что принцесса уехала незадол-

го до исчезновения Эридана в свое родное королевство навестить больную матушку, так что раньше чем через пару месяцев ее не ждали.

А когда я высказал предположение, что, возможно, Эридан устремился вслед за женой, Леонер посмотрел на меня так, что я разом заткнулся и всем сердцем понадеялся, что успею смотаться отсюда, пока ненавистная принцу жена вернется домой.

Так прошло три недели, а на двадцать седьмой день моего пребывания в Карадене меня разбудил стук в дверь.

Пока я пытался разлепить глаза и вообще сообразить, где нахожусь, из коридора послышался голос Мельвидора:

– Ваше высочество, это я.

Я выдохнул с облегчением и, как был, в пижаме поплелся открывать дверь.

Мельвидор выглядел как всегда в своем синем плаще со звездами, вот только морщинка между бровей – глубже обычного. Я нахмурился: только плохих новостей мне не хватало, а в том, что волшебник принес именно плохие новости, сомнений не было.

Старик согнулся в глубоком поклоне, от которого мне захотелось скривиться.

– Ваше высочество, позвольте войти? – полный официоза голос.

Я отошел от двери, пропуская мага.

– Позволяю, чего уж там.

Закрыв за волшебником дверь, а маг уже привычно взмахнул рукой, окутывая покои принца «Коконот тишины». Ну, слава богу, теперь можно не бояться, что нас подслушают.

– Мэл, что-то случилось?

– Случилось, – подтвердил Мельвидор серьезным тоном, от чего мне сделалось совсем жутко.

– Ну так не томите, – не выдержал я. – Что-то с Эриданом? Вы его нашли?

Но волшебник покачал головой, и мне стало чуть-чуть легче.

– Случилось то, чего мы не ожидали и не успели тебя подготовить.

Я усмехнулся, чего они там вообще ожидали? Их слушаешь, так у них все неожиданно.

– Вернулось посольство из Чадатеи, – произнес маг таким тоном, будто это название должно было для меня что-нибудь значить. Не значило. Я встречал в книгах упоминание об этом королевстве, вроде как поддерживающем мирные отношения с Караденной, да и только.

– И? – Я, не понимая, развел руками. – Ну посольство, ну вернулось. Я тут при чем?

– А при том, что уже через час ты должен будешь присутствовать на Совете, чтобы решить их судьбу.

Под тяжелым взглядом волшебника мне сделалось совсем не по себе.

– Что, я гадалка, что ли? – буркнул я.

– Сейчас ты принц, – строго напомнил Мельвидор.

Я закатил глаза, прошелся по комнате и плюхнулся на кровать.

– Рассказывайте, – сдался, – я весь внимание.

Маг придвинул к себе стул и сел напротив меня, его лицо было предельно серьезным.

– Посольство, возглавляемое Рэйнелом Гердером отправилось в Чадатею чуть больше года назад...

Гердер... С этой фамилией я сталкивался... Напрягся и все же сумел выудить из своей переполненной в последнее время головы информацию. Правда, речь там шла не Рэйнеле, а о Кэреде Гердере, наверное, его родственнике. Этот уважаемый аристократ затеял заговор против Эридана несколько месяцев назад, но был разоблачен, арестован и посажен в тюрьму, а в скором времени казнен. Подробностей, ясное дело, моя дырявая голова не запомнила, отложилось только то, что Гердеры были одной из самых приближенных ко двору семей, а потом случилось такое.

– ...Целью, – тем временем продолжал волшебник, – были улучшение отношений и обмен культурными и научными достижениями. Было решено, что группу из десяти человек возглавит Рэйнел Гердер, молодой, подающий надежды дворянин. Посольство должно было вернуться через месяц... – Он помедлил, видимо, подбирая слова.

– Но не вернулось, – подсказал я, заинтересовавшись. – Почему?

– Возникли осложнения, – ответил маг, почему-то поморщившись. – У нас всегда были натянутые отношения с Чада-тейей, посольство должно было стать дополнительным шагом к примирению, но чадатейцы решили воспользоваться им, чтобы, наоборот, развязать войну. Было объявлено, что один из наших послов пытался украсть чадатейскую реликвию и был застигнут на месте преступления. Его казнили, а остальных как сообщников арестовали, вынуждая нас ответить.

Я даже присвистнул: вот это история. Казнь посла – дело нешуточное. А как же дипломатический иммунитет? Похоже, тут о таком понятии и слыхом не слыхивали. Но, судя по всему, война так и не развязалась. Так какого черта этот Гердер вернулся только год спустя?

– Было объявлено? – припомнил я слова мага. – То есть посол был невиновен? – Стал разменной монетой... Как это соответствует моим представлениям об этом мире.

Мельвидор пожал плечами.

– На допросах Рэйнел утверждал, что их подставили, но министры решили, что мир важнее нескольких подданных, и приняли версию чадатейцев.

У меня во рту пересохло.

– То есть их бросили? – выдохнул я.

Невольно представил себя на месте Гердера. Тебя отправляют далеко от дома, как ты полагаешь, с важной дипломатической миссией, а потом бросают на произвол судьбы, и это при том, что одного из подчиненных тебе людей только

что несправедливо обвинили в совершении преступления и казнили. Ужас! Теперь ясно, почему родственник Рэйнела пытался поднять восстание против Эридана...

Волшебник кивнул.

– О них было решено забыть, но на престол Чадатеи взошел новый король и отпустил оставшихся в живых узников. Из десяти сегодня в столицу прибыли шестеро.

У меня в голове был полный сумбур.

– Но почему вы пришли ко мне в такую рань? Это хорошо, что они вернулись, но...

Мельвидор посмотрел на меня таким взглядом, что я чуть не проглотил язык. Кажется, он был лучшего мнения о моих мыслительных способностях.

– Ты должен их спасти.

Как гром среди ясного неба.

– А им угрожает опасность? – не понял я.

– А ты думаешь, министры хотят, чтобы эти люди расхаживали по улицам и рассказывали, как королевство предало их и бросило на произвол судьбы?

Я передернул плечами, мне сделалось жутко. Неужели этим несчастным мало досталось?

– А заговор Кэреда Гердера как-то связан с посольством? – спросил я.

Наконец-то Мэл посмотрел на меня с уважением, видимо, он уже отчаялся и решил, что толку от моего обучения никакого.

Потом волшебник опустил глаза.

– Я вообще не уверен, что этот заговор был, – признался он совсем тихо.

– То есть как? – я совершенно растерялся. – Человека обвинили в заговоре и казнили без суда и следствия, так, что ли?

– Министр юстиции Сакернавен признал Кэреда виновным, – ответил маг, все еще избегая встречаться со мной глазами. – Эридан подписал приговор.

У меня в горле засел ком и упорно не желал оттуда уходить. Я встал и налил себе стакан воды, выпил залпом.

– За что? – только и спросил, вернув себе голос. Мэл посмотрел на меня, не понимая, и мне пришлось уточнить: – За что они избавились от обоих Гердеров? – Нужно было бы быть круглым идиотом, чтобы не установить связь между этими событиями.

Маг снова смутился, повисло молчание, и я уже хотел повторить свой вопрос, но он заговорил первым:

– Кэред был близким другом короля Лергиуса. Когда с королем случилось несчастье, он старался оберегать Эридана, защищать от министров. Вот те от него и избавились. А Рэй-нел... Они росли с принцем вместе, хотя Рэй и старше на несколько лет. Естественно, он тоже оказывал на Эридана влияние, тем более как сын своего отца.

Если до этого мне было жутко, то теперь стало просто тошно. Эридан подписал бумаги, обрекающие на верную

смерть не просто какого-то подданного, он подписал приговор другу! И плевать, что на него давили министры, пусть хоть вагон давит. Как он мог?

Волшебник смотрел на меня и молчал.

Я с грохотом поставил стакан на стол. Лицо горело от праведного гнева. Хотелось выйти и поубивать министров к чертовой матери. А еще – придушить Эридана. Если раньше я жалел своего двойника, то сейчас не испытывал к нему ничего, кроме отвращения.

Я встретился с магом взглядом.

– Одного не понимаю, вы так рьяно запрещали мне спорить с министрами, а сейчас сами говорите мне пойти и помешать им. Почему?

Мельвидор молчал не меньше минуты, прежде чем ответить.

– Потому что именно я посоветовал Эридану год назад подписать приказ, подготовленный министрами, и не спорить с ними, – сказал он, а потом резко встал и покинул покои принца, а я так и остался стоять, смотря на захлопнувшуюся дверь.

Когда слуга объявил о моем появлении в Зале Советов, и я вошел, на лицах министров застыло удивление. Кажется, им неплохо жилось и без принца, и его болезнь их вполне устраивала.

Поприветствовал их коротким кивком и прошел к месту во главе стола. Во мне все еще клокотала злоба, но я крепко сцепил зубы и держал себя в руках.

– Ваше высочество! – первым не удержался Сакернавен, теперь я знал, министр юстиции. – Вы излечились!

– И чувствую себя превосходно. – Моя ответная улыбка полоснула его, как ножом, и министр нахмурился, но я не унялся: – Давайте опустим разговоры о моем здоровье, я и так много пропустил за эти дни. Что на повестке дня сегодняшнего Совета?

Министры переглянулись, на их лицах отразилось разочарование, и я понял, что правильно предполагал: они надеялись, что Эридан отлежится и снова станет послушным, как лось на привязи.

– Прибыло посольство Рэйнела Гердера, – наконец соблаговолил ответить Ренкель, министр иностранных дел, именно его ведомство отвечало за переговоры с Чадатеей и их исход.

– И где они сейчас? – равнодушно спросил я, стараясь не выдать своего интереса к этому делу раньше времени.

– По приезду отправились к семьям, – ответил министр, – но я уже распорядился, через час всех их доставят в замок.

Я еле сдержался, чтобы не скрипнуть зубами. Значит, Мэл был прав, во всем прав...

– И зачем же, можно поинтересоваться?

Я позволил себе побарабанить пальцами по столу в ожи-

дании ответа. Ренкель с достоинством выдержал мой пристальный взгляд.

– Для допроса. – На его лице появилась хищная улыбка, и он передал мне по цепочке лист бумаги. – Вот приказ о том, чтобы взять их под стражу и допросить.

Я принял бумагу, в которой значилось, что я, наследный принц Эридан Дайон, распоряжаюсь «схватить прибывших и допросить со всеми необходимыми средствами в целях выявления измены». Так, значит?

Я оторвал глаза от листка и обвел взглядом министров. Спокойные, довольные, уверенные. Конечно же, они не сомневались, что несчастные признаются в измене, как только поближе пообщаются с палачом. «Допросить со всеми необходимыми средствами» – какой милый оборот, который можно заменить всего одним словом: «пытать».

Медленно, тщательно взвешивая каждое свое движение, я принялся отрывать от бумаги полоску за полоской, пока полностью не разорвал приказ. Стоит ли говорить, что у министров отвисли челюсти?

– Ваше высочество?! – Ренкель даже привстал со своего места. Еще бы, наверное, всю ночь писал.

– Я поговорю с послами сам, – мило улыбнулся я ему, – без «необходимых средств».

– Но ваше высочество! – вступил в спор Холдер, министр внутренних дел. – Они могут быть опасны!

Я чуть склонил голову набок.

– Для вас?

– Для Карадены!

– Очень сомневаюсь.

– А Гердер? – Ренкелю, видимо, уж очень хотелось с кем-нибудь поквитаться за зря написанный приказ. – Мы должны удостовериться, что он не имеет отношения к заговору отца!

– Нам доложили, что он отправился на кладбище, едва узнал о том, что случилось с Кэредом, – вставил Корвиц. – Невинный плюнул бы на могилу изменника, а не пошел его оплакивать.

– А как насчет того, что во время заговора Рэйсел Гердер был в Чадатее? – ледяным голосом напомнил я, но с тем же успехом можно было разговаривать с глухими.

– Но он же Гердер! – ответили мне. – Если отец – предатель, то и сын тоже!

– К тому же заговор мог планироваться годами, – не преминул напомнить мне вездесущий Сакернавен.

Я положил руки на столешницу и чуть подался вперед.

– Тогда скажите мне, как вы могли пропустить заговор, который готовился годами? – мой голос больше походил на шипение, во мне клокотало такое бешенство, что сдержаться и не продолжить мне удалось с большим трудом.

Министры переглянулись.

– Ваше высочество, вы побледнели, вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

– Как никогда, – заверил я.

В тот день я все же встретился с послами. Не то чтобы мне этого хотелось. Скорее, наоборот: лучше бы зарылся в какую-нибудь глубокую нору и не вылезал оттуда, чтобы не смотреть в глаза людям, которые считают меня Эриданом, подло бросившим их, даже не попытавшись помочь.

И все же мне показалось правильным встретиться с ними. Иначе это выглядело бы так, будто я от них прячусь. Наверное, Эридан бы и прятался...

А еще мне почему-то очень хотелось увидеть Гердера. Не знаю даже почему, но он меня заинтересовал. Но, увы, Гердер был единственным, кто не появился.

Пришедшие же вели себя не так враждебно, как я думал. Судя по всему, люди были прекрасно осведомлены о том, кто на самом деле управляет Караденгой. И, насколько я понял, гнев и обида несчастных послов были направлены не на меня, а на министров. Хотя лично я считал, что вина Эридана, наоборот, куда больше, чем их, потому что это он поставил под приказом свое имя, приказом, который без этой подписи не имел бы никакой силы. И то, что Мельвидор взял на себя часть вины, ничего не меняло: кто бы что ни советовал, Эридан принимал решение сам.

Словом, на встрече с послами настоял сам, а потом еле ее пережил. Ну, по крайней мере я заверил этих людей, что их никто ни в чем не подозревает и никаких претензий предъ-

являть не собирается.

– А что будет с Рэйнелом? – обеспокоенно осведомился один них.

– А что с ним может быть? – я не совсем понял вопрос.

– Ходят слухи, что он подозревается в сговоре со своим отцом.

Слухи, блин, мать их! Похоже, единственная система, отлаженная в этом королевстве, это как раз система слухов.

– Лично я никого и ни в чем не обвиняю, – уверенно ответил я и заметил, как все пятеро просветлели.

Похоже, Рэйнела Гердера любили, раз так тревожились за его участь, что характеризовало его с положительной стороны. И мне еще сильнее захотелось его увидеть.

Но, увы, Гердер так и не явился.

Наверное, этот день пребывания в Карадене оказался самым тяжелым.

История с послами никак не желала выходить из мыслей. В голове не укладывалось, каким образом Эридан мог так сильно отличаться от меня. В моем понимании, слово «двойник» всегда обозначало нечто схожее, но я с каждым днем все больше убеждался, что у нас Эриданом есть только одно сходство – внешнее. Чертов принц! Я начинал его ненавидеть.

После беседы с послами я заперся в покоях наследника

и, как раненый зверь, заметался по комнате. Хотелось что-нибудь разбить, а больше всего – зеркало.

Где же шляется этот безответственный Эридан? Маг заверял, что поиски не прекращаются ни на минуту, но подвижек так и не произошло. Ни единой зацепки, ни единого следа принца – вообще ничего, как сквозь землю провалился. Больше двадцати дней поисков, а в итоге большой и круглый результат – ноль.

Было уже поздно, но спать мне не хотелось. Проблемы этого мира давили на меня новым непривычным грузом. Как же они тут живут? А я-то думал, что у меня дома были проблемы. Теперь я со всей ясностью осознал, что то, что меня не любят в школе, у меня нет близких друзей и то, что я постоянно скандалю с мамой – вообще не проблемы, так, детский лепет.

Мысль о маме расстроила еще больше. Кроме нее, у меня никого нет в целом мире, даже не так – в обоих мирах. Мельвидор обещал, что вернет меня в то же мгновение, из которого забрал, и никто не заметит моего отсутствия. Но ведь пока он меня не вернул, время дома идет так же, как и здесь, а значит, для всех я пропал на целый месяц. Мама, наверное, места себе не находит, меня уже, конечно же, и в розыск объявили... Бедная....

Стало вообще обидно. Ладно то, что я тут маюсь из-за Эридана и его проблем, но то, что из-за него страдают дорогие мне люди, не шло ни в какие ворота. Вот пусть только

мой двойник отыщется, я ему от всей души вмажу, так, что он сразу перестанет быть на меня похожим!

Однако позлившись еще немного, понял, что готов расцеловать Эридана только за то, чтобы он вернулся, а я смог бы уйти отсюда.

Мысли путались, с треском врезаясь друг в друга и высекая искры. Я снова вспомнил о Гердерах: отце и сыне. И невольно подумал о своем отце, которого больше никогда не увижу. Я уже до того свыкся с этим, что не сразу понял всю абсурдность этой мысли. Как это – не увижу? Король Лергигус, его копия, ведь находится на одном со мной этаже. Это не мой отец, точно так же, как я не Эридан, но мне вдруг захотелось его увидеть.

Подошел к двери и остановился. А ведь я совсем забыл, что стража никуда меня на ночь глядя отсюда не выпустит. И что же делать? Можно, конечно, как обычно забыть о своих желаниях, переборю себя. Но, с другой стороны, с какой стати я должен это делать? На душе было так паршиво, что я был готов совершать глупости.

Итак, решив в случае возражений устроить страже разнос, я решительно распахнул дверь. И снова замер, недоуменно уставившись в пустой коридор. Постойте-ка, пустой? Куда это, спрашивается, подевались мои охранники? Пересменка у них, что ли?

Раздумывать было некогда, такой момент упускать нельзя. Повезло – и хорошо, надо литься отсюда, пока эти гориллы

в доспехах не вернулись.

Бесшумно выскользнул в коридор.

Впервые за эти дни я куда-то направился, никого не поставив в известность, эта мысль грела.

За то время, что мне понадобилось, чтобы пройти из одного крыла в другое, я никого не встретил. И это показалось мне странным. Хотя, тут же себя успокоил, что мне известно о порядках в замке? До сегодняшнего дня я ни разу не покидал свою комнату ночью. Скорее всего, тут просто не принято шляться по коридору до утра. Однако полное отсутствие охраны все же странно. Неужели я умудрился попасть именно во время смены караулов?

То, что у отсутствия охраны может быть другая элементарная причина, мне тогда даже в голову не пришло.

У комнаты короля также не было ни души, и я беспрепятственно вошел внутрь.

Король лежал на кровати точно так же, как и в тот единственный раз, когда мне довелось побывать в этой комнате. Вокруг царил полумрак. Хорошо, что свет зажигать не пришлось: в этой комнате оставалось слабое магическое освещение.

Часто ли Эридан сюда приходил? В детстве, наверное, часто. Пока не умерла надежда на то, что отец поправится. А потом только после Больших Советов с наместниками...

Я опустил на край кровати, зачарованно глядя на спокойное лицо короля. Что больнее: окончательная и бесповоротная смерть близкого человека, с чем ты постепенно пытаешься смириться и продолжаешь жить дальше, или же когда он вот остается между жизнью и смертью, и в тебе годами теплится надежда на то, что однажды случится чудо и он очнется? Но ты взрослеешь, а чуда так и не происходит.

Наверное, с королем Лергиусом это чудо уже никогда не произойдет. Десять лет – это слишком много.

Но почему? Почему в мире, наполненном магией, никто ничего не смог сделать? У нас все только и мечтают о волшебстве, думая, что оно сразу же решит все проблемы, а на деле оказывается, что оно далеко не так всемогуще. Ведь наверняка к королю приезжали маги и доктора со всего мира, так почему же никто из них не сумел помочь?

Вопросов было много, ответов – ни одного.

А может, королю просто требовалось присутствие близкого человека? Некоторые считают, что люди в состоянии комы слышат, что происходит вокруг них. Не верю, что Эридану ни разу не приходила в голову подобная мысль, тогда какого черта он позволил разводить вокруг отца эту показную роскошь? Зачем здесь шелковые простыни и золотая посуда? Неужели у Эридана не было пары минут в день, чтобы забежать к отцу? Я не знал наверняка, но почему-то был уверен, что принц не бывал здесь месяцами.

Почему? Почему? Почему?

Вопросы продолжали размножаться со скоростью бактерий, и я ничего не мог с этим поделать.

– Ты не мой отец, – прошептал я, – но ты напоминание о нем... Прости, что я хозяйничаю в твоём королевстве, я очень надеюсь, что это ненадолго. Ты только очнись, снова возьмешь всю власть в свои руки и, может быть, подскажешь, куда мог подеваться Эридан... А я обещаю, что завтра же поговорю с Мэлом: рядом с тобой должны быть хорошо знакомые тебе люди, а не равнодушные слуги с резными подносами с золотой окантовкой. Я обещаю.

Было неприятное ощущение, будто я говорил сам с собой, но в то же время чувствовал, что должен что-то сказать.

Посидел еще немного, а потом встал и быстро вышел. Что-то накатило, что я понял: пробуду там еще немного и конец моему самообладанию. Нет уж, расслабляться я сейчас не имел права.

Я вышел. Коридоры по-прежнему были пусты.

Вот теперь это было уже не просто странно, а очень странно. Я пробыл в комнате короля не меньше получаса, не может быть, чтобы стража просто так отсутствовала на посту столько времени. А если не просто так, тогда почему?

Так, похоже, вопрос «ПОЧЕМУ?» стал моим извечным спутником в этом мире. Пора от него избавляться и хотя бы раз иметь возможность сказать: «Да потому что!»

Я медленно шел по коридору, старательно прислушиваясь. Ниоткуда не раздавалось ни звука. Весь замок вымер, и

я единственный выживший? А тела местных жителей испарились, что ли? Или все заснули мертвым сном?

Словом, предположений у меня было много, но я все больше склонялся к тому, что все просто-напросто мирно спали, а кто-то намеренно убрал охрану именно со второго этажа. Намеренно? Что ж, сам это сказал, сам и объясняй... Намеренно... Кто? И главное: зачем?

Впрочем, *кто* яснее ясного – министры, кому еще быть? Больше ни у кого не хватило бы власти приказать охране покинуть этаж. А вот аспект «зачем» не настолько очевиден. Хотя, если подумать, сегодня я глубоко задел гордость министров, разорвал сфабрикованный ими указ, отказался слушать их советы... Не исключено, что министры могли захотеть мне отомстить, и то, что они задумали, мне точно не понравится.

И тут меня как холодной водой окатило. Какой же я идиот! Я в каком мире нахожусь? Тут только и твердят о заговорах и покушениях. Так чего же я еще думаю? Ведь Мэл и Леонер предупреждали, что министры могут меня по стенке размазать, если не перестану им перечить.

Оптимистический вывод, нечего сказать...

Сердце ушло в пятки. Меня хотят убить?

Да, черт возьми, *меня хотят убить!*

А не слишком ли я зафантазировался?

Не слишком, понял я через минуту – на лестнице мелькнула чья-то тень. Кто-то шел так же медленно, как и я, а зна-

чит, боялся попасться кому-нибудь на глаза.

Первым моим желанием было завопить и броситься бежать, но зачатки имеющегося во мне здравого смысла удержали-таки меня на месте, только сердце забилося быстрее. Бежать бесполезно: если принца решили убить, то, естественно, поручили это дело профессионалу. Я видел здешних фехтовальщиков – скажу вам, это что-то. По сравнению с ними рыцари в нашем кино двигались со скоростью черепахи – мастерство местных фехтовальщиков не могли затмить никакие спецэффекты. И я не сомневался, что, стоит мне удариться в панику, неизвестный убийца без лишних эмоций и движений прирежет меня, как поросенка на ужин.

Ладно, решил я, если не знаешь, что делать, делай хоть что-нибудь, только не стой столбом в ожидании расправы.

Человек, тень которого я видел, приближался.

Я бесшумно скользнул к двери в свою комнату и так же беззвучно повернул ручку, ввалился внутрь и снова прикрыл за собой дверь. То, что петли не заскрипели, было настоящим чудом. Везение? Надеюсь, это не последняя удача на сегодня, в противном случае до завтра я не доживу.

Так, я в комнате. Что дальше?

Унять бешеное сердцебиение удалось с третьей попытки. Если хочу выжить, поддаваться панике никак нельзя. А сейчас у меня была всего пара секунд, чтобы что-нибудь предпринять.

Я бросился к кровати, задрал одеяло, запихал под него

подушки, чтобы было похоже, будто сплю, а сам замер слева от двери, зажав в руке тяжелый подсвечник. Плевать, позолоченный он или чугунный, главное весит много.

Я не ошибся: дверь медленно приоткрылась, сначала чуть-чуть, потом сильнее, ровно настолько, чтобы человек вошел в помещение. Затем неизвестный снова закрыл дверь, видимо, чтобы в комнату не попадал свет из коридора и не разбудил меня. Все продумал гад!

Было темно. Ставни открыты, но слабый лунный свет позволял различить лишь силуэт вошедшего. Кто-то высокий, стройный и, по движениям, явно молодой.

Слава богу, он даже не глянул в ту сторону, где я стоял, а сразу направился к кровати, вынимая меч. Явно какой-то рыцарь, помешанный на кодексе чести. Ну, зачем ему меч, спрашивается? В данной ситуации кинжал был бы гораздо сподручней. А еще лучше было бы задушить принца подушкой, тогда здешние умники вообще умудрились бы объявить, что наследник задохнулся во сне без посторонней помощи. Или можно было бы...

Я оборвал себя, когда сообразил, *о чем* думаю. Дожили, стою и выдвигаю варианты собственного убийства. Еще бы подошел к убийце и посоветовал, что и как надо делать. Умник!

Тем временем незванный гость уже извлек меч. Вытащил без единого звука, да таким плавным движением, что у меня внутри похолодело: такой мастер точно не промажет.

Он поднял меч.

Я сделал шаг в его сторону. Другой...

Когда он ударит, будет поздно. Если убийца успеет понять, что в постели никого нет, то жить мне останется пару секунд, это в лучшем случае, а значит, медлить нельзя.

– Умри, предатель! – И неизвестный вонзил меч в одеяло.

В этот момент я опустил тяжелый подсвечник ему на голову... э-э... вернее, думал, что опустил подсвечник ему на голову. Я таких слаженных движений еще в жизни не видел! Меч еще не остановил свой полет, как убийца сообразил что к чему и успел пригнуться. Моя рука рассекла воздух. Подсвечник с грохотом покатился по полу.

Незнакомец бросился на меня, но уже с голыми руками – меч он бросил на кровати. Что ж, в рукопашной хоть я что-то смыслил, особенно в рукопашной без правил. Получив мощный удар в челюсть, я все же сумел на мгновение отшвырнуть нападающего от себя.

– Эридан, как же я тебя ненавижу! – взревел он и бросился вновь.

Не знаю как, но мне удалось увернуться от летящего в меня кулака. А потом я совершенно бесчестно пнул убийцу в колено, на секунду врага это замедлило, и я успел схватить брошенный на кровати меч. Оружие оказалось гораздо тяжелее, чем выглядело, и я чуть было его не выронил. Но если человек защищается, у него открывается второе дыхание – меч я удержал, и когда враг опять пошел в наступление, со

всей силы ударил его эфесом в челюсть.

Несостоявшийся убийца свалился мне под ноги.

Глава 6

Естественно, стражники ворвались в комнату тогда, когда все закончилось. Прямо как полиция в американских боевиках. Мне захотелось выругаться.

– Свет! – скомандовал я магическому освещению, сказал чересчур громко – перестарался с яркостью света. Пришлось зажмуриться.

– Что произошло, в-в-ваше высочество? – стражник даже заикаться стал, увидев меня. Так-так, похоже, кое-кто кое-что знает. Увидеть живым меня, всяко дело, не собирались.

На шум сбежались все министры, кто в чем, в основном в халатах и ночных колпаках, а также Мэл с Леонером, больше двадцати стражников и множество разбуженной шумом прислуги.

Господи! Я и не думал, что от удивления и разочарования можно так бледнеть. Но за здоровье Сакернавена, если честно, испугался.

– Всего лишь неудавшееся покушение, – ответил я таким будничным тоном, будто у меня таких покушений по пять штук на дню. Переступил через своего недавнего противника и отошел в сторону, чтобы дать зрителям обзор всех деталей.

Мой оглушенный враг – темноволосый парень в черной одежде – пока что не подавал признаков жизни.

– Кто бы мог подумать! – наигранно воскликнул министр Варнус. – Рэйнел Гердер!

Я остолбенел. Мне даже показалось, что кровь перестала течь из разбитой губы.

Это Рэйнел Гердер? Потрясающе. Не его ли я так хотел видеть совсем недавно? Что ж, будь осторожен в своих желаниях.

В голове слишком звенело, чтобы и дальше оставаться на ногах, и я без сил опустился на край моей распоротой постели.

Какая-то мысль попыталась пробиться на свет божий, но была убита наповал головной болью.

Министры фальшиво ужасались, Мельвидор стоял белый как снег, а Леонер бесконечно крестился...

Вскоре министры убрались восвояси, слуг и охрану выставили вон, а бесчувственного Гердера куда-то унесли. В комнате остались только я, Мельвидор и Леонер.

– С тобой точно все в порядке? – тревожно спросил волшебник. Таким бледным я его еще не видел.

– Ага, – зло ответил я, – в полном порядке. Цвету и пахну!

Глянул в зеркало: разбитая губа распухла и продолжала кровоточить, да и болела соответствующе.

– Господь спас тебя, – вставил монах, – значит, такова его воля. Тебе грех жаловаться.

– Я и не жалуясь. – В голове по-прежнему звенело, но соображать я стал уже значительно лучше. Сарказм из меня так и рвался. – Я слишком поражен слаженностью действий некоторых людей. Первокласно они все провернули.

– Они? – Леонер недоверчиво поднял бровь. – Ты подзреваешь министров?

– Они, – твердо повторил я. – Или, по-вашему, в порядке вещей то, что вся охрана этажа испарилась в одночасье? Если бы меня не понесло прогуляться по замку, я бы уже не разговаривал с вами.

– Значит, исчезла вся охрана... – задумчиво пробормотал Мельвидор. – Так, ясно...

– Зато мне не ясно! – вскипел я. – Ни черта мне не ясно! Если меня захотели убрать, у них что, просто неизвестного наемника не было? Зачем нужно было замешивать парня, о котором и так все сейчас только и говорят?

– Думаю, Рэйнел был добровольцем, – предположил Леонер. – Понятно, что у него был повод ненавидеть Эридана. Наверное, министры предложили ему помощь, и он ее принял.

Звучало логично, но мне что-то не нравилось. Что-то не сходилось. Еще бы понять, что именно.

Министры, ясное дело, подстроили убийство принца и убрали охрану. Но если они собирались привлечь Гердера, с их стороны было бы гораздо разумнее до поры до времени вообще скрыть информацию о его возвращении. Разве что

только...

Я прикусил губу, судорожно соображая. Так, если целью министров было просто убрать Эридана, то почему они не сделали этого раньше, когда я не выходил из комнаты целых три недели? Выходит, они ждали чего-то... Хотя чему я, собственно, удивляюсь? Если просто взять и убить наследника, возникнут вопросы, придется хотя бы для вида проводить расследование, а это значит раскидываться людьми, когда война за трон будет в самом разгаре.

Вот теперь я, кажется, понял. Принц убит, а его убийца пойман и казнен – великолепный план: министры чисты, наследник устранен, люди довольны. Ни у кого и лишнего вопроса не возникнет, тем более если бы принца убил сын заговорщика и предателя.

Мои умозаключения мне очень не понравились, но чем больше я об этом думал, то тем больше начинал верить в свою правоту.

– Андрей, что с тобой? – испугался волшебник. – У тебя *такое* лицо...

Я тряхнул головой, отбрасывая от себя все лишнее.

– Со мной-то ничего... А где Гердер?

Леонер посмотрел на меня как на идиота.

– Его же сразу унесли, сейчас приведут в чувства и допросят.

– И потом казнят, – на этот раз в моем голосе не было вопросительной интонации.

– Ну, само собой, – развел руками монах. – Он покушался на жизнь наследника. Думаю, его казнят завтра же.

– Замечательно... – Я потер виски, пытаюсь сосредоточиться. – Где он? – спросил, резко вскинув голову.

Монах пожал плечами.

– В темнице под замком. Где ж ему еще быть? Но ты не беспокойся, с ним теперь разберутся без нас.

– Разберутся, – вздохнул Мэл, – ничего уж не поделаешь...

Господи ты боже мой! Как же мне надоело это дурацкое состояние всеобщей беспомощности и безнаказанности министров!

– Никто ни с кем разбираться не будет, – процедил я сквозь зубы и бросился к двери.

– Стой, во имя Господа! – Леонер преградил мне дорогу. – Оставь все, как есть. Ты не Эридан, не забывай об этом. Не слишком ли много ты на себя берешь?

– Меня только что пытались убить. Вместо Эридана, между прочим, – холодно напомнил я. – По-моему, я имею право разобратся в последствиях своего же убийства.

– Но...

– Пусть идет, – перебил его волшебник. – Хуже быть уже все равно не может.

И я вырвался в коридор.

Стражников в подвальных помещениях собралось человек двадцать, не меньше. Вот куда они все сбежали с моего этажа. Ну, положим, не сбежали, не будем несправедливы, а тихонько спустились по чьему-то приказу.

– Ваше высочество! – Вытянулся передо мной тот самый здоровенный детина, который все это время не выпускал меня из комнаты. Вот только сегодня у меня не было настроения спорить, и его богатырские размеры не произвели на меня ни малейшего впечатления. Ярость начисто стирает чувство страха.

– Где Гердер? – Я даже не подумал ответить на приветствие.

– Господин Сакернавен приказал допросить его.

И это, по его мнению, ловко уйти от ответа? Или он полагает, что я удовлетворюсь таким и пойду спокойно досыпать ночь в продырявленной постели?

– Я, кажется, спросил *где*, а не *почему*, – мой голос зазвучал яростью. Это подействовало. Стражник не ждал от тихого Эридана такого нападения и совершенно растерялся.

– Он может... э-э... быть опасен для вас...

– Хочешь сказать, что мне угрожает опасность, когда вокруг столько королевской стражи? – прошипел я. – Или как раз собственной стражи мне и следует опасаться?

– Никак нет, ваше высочество, но рисковать не стоит. – Похоже, стражник решил до конца стоять на своем.

Нет уж, так не годится.

Итак, значит, министры категорически запретили пускать меня к пленнику. И что же теперь делать? Стража боится их куда больше, чем принца. И это не просто плохо, это очень плохо. И если Эридана такое положение вещей устраивает, то меня – категорически нет.

Я вспомнил недавно виденный мною фильм о средневековье, где озверевший король приказывал казнить всех подряд и без разбору. Боялись его нешуточно. Как же там он себя вел?.. Ах да! Он всегда улыбался своим жертвам, чем приводил их в полный ужас.

Так что я улыбнулся охраннику самой своей доброй улыбкой.

– Ты прав, – сказал ласково, прямо-таки промурлыкал, – рисковать не стоит. Тем более завтрашняя казнь будет очень увлекательной – еще бы, столько приговоренных сразу...

Проговорив это, я сделал вид, что собираюсь уйти. Мне удалось сделать несколько шагов до двери с таким спокойно-удовлетворенным видом, что стражник все же дал слабину.

– Ваше высочество, – его голос прозвучал жалобно, – как это «столько приговоренных»? Гердер же был один.

Я остановился, изобразил на лице полнейшее недоумение недогадливостью стражника и повернулся к нему.

– Гердер был один, но вот стражи на этаже и у ворот должно было быть много. А раз их не было, за это придется кому-то рассчитываться. Вот я и прикажу завтра казнить всех

тех, кто покинул свой пост, тем самым подвергнув жизнь принца опасности.

Я не без гордости наблюдал, что мои слова возымели должный эффект. Стражник побледнел и весь стал как-то меньше и ниже. Отлично! Кажется, я наконец понял, как нужно разговаривать с местными жителями.

– Ваше высочество... – пробормотал он и был больше не в силах что-либо добавить.

Ясно, чья вахта была тогда на моем этаже. Еще бы, теперь он перепугался, а то строил из себя непобедимого супермена.

– Где Гердер? – снова повторил я свой вопрос, на этот раз подражая тону директора школы.

Стражник сглотнул. Министров он боялся до жути, но инстинкт самосохранения подсказывал, что и со мной связываться не стоит, а потому растерялся совершенно.

– Если министры пишут приказ, я вполне могу его не подписать, – как бы невзначай напомнил я, – а вот мой указ они оспорить не могут. Ну да ладно. – Я махнул рукой, будто потерял всякий интерес к этой беседе. – К чему тебе эти тонкости... – И повернулся к выходу.

– Ваше высочество! – Ну, слава богу, я уж думал, у него стальные яй... нервы. – Постойте! Я провожу, ваше высочество! Сюда, ваше высочество!

Я запоздало подумал, что бы делал, если бы стражник не поддался на провокацию, и вздохнул с облегчением – на сча-

стье, мне не пришлось это проверять.

Мы спустились еще на этаж ниже. Вот уж действительно подземелье. Мерзость какая. Если там, где я разговаривал со стражником, было просто сыро и мрачно, то ниже оказалось просто ужасно. Влага висела прямо в воздухе, зловоние невыносимое, дышать просто невозможно, да еще красные глаза крыс сверлят тебя из углов. Я даже поежился, и вовсе не от холода, хотя отопление здесь не помешало бы.

– Далеко еще? – раздраженно спросил я, пытаюсь напугать стражника еще больше, чтобы он не заметил мой собственный ужас.

– Пришли, ваше высочество, – тут же ответил тот, оставившись у одной из массивных металлических дверей.

– Я так понимаю, на этом этаже содержатся наиболее опасные преступники? – уточнил я. Не выдержал и все же зажал нос манжетой.

Мой проводник презрительно поморщился.

– Смертники.

– А в ожидании казни им что, дышать не положено? – возмутился я, уже никого не изображая, подобное скотское отношение к людям меня на самом деле взбесило.

Похоже, страж меня все же не понял.

– А зачем? – удивился он. – Они ж все равно уже не жильцы.

Интересная логика, нечего сказать...

– И при короле Лергиусе они тоже содержались здесь? –

на всякий случай поинтересовался я. Назвать короля своим отцом не смог, но я так затерроризировал стража, что он ни на что не обращал внимания.

– При его величестве данный этаж вообще не использовался. Перевести смертников сюда было решение министров, – ожидаемо ответил тот. Что ж, я так и думал. О короле все слишком хорошо отзывались.

– Так... – Я задумался, оперся рукой о дверной косяк и тут же влез в какую-то зеленую слизь. – Черт! Фу! – После этого у меня исчезли малейшие сомнения на тему: «имею я право или нет». Тщательно вытер ладонь о свои же штаны, не по-королевски, конечно, но не буду же я вытирать руки о доспехи стражника? – Значит так, – распорядился, – сейчас я зайду в камеру. Один. Поговорю с Гердером. И хочу быть уверен, что нам никто не помешает или не попытается подслушать. За это отвечаешь головой... э-э... как там тебя?

– Ганс, – услужливо подсказал он.

– Вот-вот, – кивнул я, – ты, Ганс, отвечаешь за выполнение моих распоряжений своей шкурой. Я понятно выражаюсь?

Вместо ответа он судорожно сглотнул.

– Молодец, Ганс, соображаешь, – похвалил я. – Подведешь – никакие министры тебя не спасут и пытаться не станут. Так что старайся. – Я сделал эффектную паузу и любезно пояснил: – Это было только первое. Второе: находишь надежного человека, который займется подготовкой камер

на этаже выше. В течение дня никого, кроме крыс, в этой помойке остаться не должно. И проследи, чтобы заключенные добрались до новых камер живыми, без каких-нибудь там якобы несчастных случаев. Все понятно?

Ганс кивнул, потом сообразил, что делает и перед кем, и торопливо отдал честь.

– Да, ваше высочество! Слушаюсь!

– Отлично. – Я кивнул на дверь, возле которой мы все еще стояли. – А теперь открывай.

Страж завозился с замками. Ух ты, а я и не знал, что из-за меня у кого-то могут трястись руки.

– Жди здесь, – распорядился и на всякий случай еще раз напомнил: – И не забудь то, что я сказал: министры не могут отправить тебя на казнь без моей подписи на приговоре, а же их согласия спрашивать не обязан.

Интересно, это на самом деле так? В любом случае, судя по панике в глазах Ганса, он поверил, а это главное. Эх, и чего я раньше боялся этого здоровяка? Он же безобиднее Винни-Пуха.

Спохватившись, остановился на пороге и властно протянул руку ладонью вверх:

– Ключи. – Не хватало еще, чтобы меня замуровали вместе с моим несостоявшимся убийцей. Ганс, бледный как мел, вложил связку мне в ладонь. – Ждешь здесь, – напомнил я, отворачиваясь.

М-да, этот Ганс, наверное, вдвое старше меня, а я разго-

вариваю с ним как с приبلудной собакой!

И я вошел в камеру.

– Магическое освещение в порядке, – шепнул Ганс и прикрыл за мной дверь.

И вот только когда я оказался в камере, мои заплесневевшие мозги соизволили задуматься, зачем собственно я вообще сюда пришел. О чем говорить с этим неизвестным мне человеком, только что чуть меня не убившим? И чего, спрашивается, я сюда так прорывался?

В камере сыростью пахло сильнее, а холод пробирал до костей.

Темно.

– Свет, – прошептал я, желая получить неяркое освещение.

Мягкий ровный свет разлился по камере, демонстрируя неровные покрытые плесенью кирпичи и прогнившую солому в углу. Впрочем, солома здесь была явно лишней, потому что пленник был прикован к стене стоя.

За два часа, прошедшие после нападения, он пришел в себя, но уж точно не подобрел. С такой лютой ненавистью на меня даже Сакернавен не смотрел, когда узнал, что я жив. Встретившись с этим ненавидящим взглядом, я чуть было инстинктивно не сделал шаг назад, но вовремя сдержал себя. Да чего это я? Как пугать бедных стражников, так ничего, а сам готов бежать прочь, поджав хвост, стоит кому-то зло посмотреть? Нет, такой расклад мне совсем уж не понравился,

и я остался стоять на месте.

Теперь можно было хорошо рассмотреть Гердера. Высокий худощавый молодой человек лет двадцати. Длинные темные волосы, одна прядь упала на глаза, но скованные руки не позволяли убрать ее с лица. Само же лицо было с поразительно правильными чертами – у нас парень с такой внешностью был бы кумиром миллионов и не сходил бы с экранов и глянцевых обложек.

Если во время нападения Гердер прямо-таки задышался от ярости, то сейчас его ненависть казалась неподвижным айсбергом. Мне стало еще холоднее.

– Зачем ты пришел? – поразительно спокойно осведомился пленник, будто я заехал на чай в его загородный дом.

От его обыденного тона я растерялся. Это тебе не стражник, которому можно наврать с три короба, и он во все поверит. С этим же парнем нужно быть вдвойне осторожным, потому что, помимо всего прочего, он хорошо знал настоящего Эридана.

– Хотел поговорить, – честно ответил я.

Рэйсел невесело усмехнулся.

– Поздно, Эридан. Мы уже поговорили. Лучше бы дождался утра и увидел меня на эшафоте.

– А что, если я не хочу видеть тебя на эшафоте?

Он не так истолковал мои слова, и презрение в его взгляде накрыло меня с головой. Наверное, если бы не цепи, он бы отшатнулся, как от чего-то омерзительного.

– Не сомневаюсь. Чтобы выйти на площадь или хотя бы на балкон, требуется смелость. Ты не увидишь моей казни, потому что в это время будешь лежать в теплой постельке и думать, чем бы поразвлечься, пока все твое королевство не рухнет, и ты, наконец, не сможешь, вздохнуть с облегчением, что освободился... – Он вдруг резко оборвал сам себя. – Эридан, прошу тебя, уйди. Неужели у тебя не хватает ума не портить своим присутствием мои последние часы?

Мне и правда захотелось уйти, а точнее – сбежать, спрятаться подальше с глаз долой, потому что лицо горело огнем от стыда за своего двойника.

Но я остался стоять. Если все-таки прорвался сюда, из этой беседы нужно вынести максимум полезной информации.

– Я не собираюсь тебя казнить, – сказал я, пытаюсь стойко выдержать его взгляд. – Мое убийство спланировали министры и воспользовались тобой...

– Ты что, всю жизнь будешь прикрываться своими министрами?! – перебил Гердер. – Или ты считаешь, что я такой недоумок и не понял того, что охрана убрана с этажа неслучайно? Да мне наплевать, чего хотят твои министры. Пусть бы они выставили меня козлом отпущения. Мне все равно. Я прекрасно знал, что из королевского замка этой ночью не вернусь. Лишь бы ты, подлый предатель, лежал в могиле!

Его ненависть снова выплеснулась наружу, и она меня пугала. В то же время стойкость этого человека поражала. Смог

бы я, зная, что меня вот-вот отправят на смерть, вот так прямо и дерзко высказывать свои обвинения?

– Рэйнел, послушай... – снова начал я, но он опять меня перебил:

– Нет. Теперь уж ты послушай. Раз не желаешь уходить, выслушай все, что я о тебе думаю. И, пусть мне не удалось убить тебя, я умру с мыслью, что ты знаешь, *как* я тебя ненавижу. – Он подался вперед, и кандалы насмешливо зазвенели. – Нет, ты даже ненависти не заслуживаешь. Я тебя презираю. Могу понять, почему ты не стал добиваться нашего освобождения из Чадатеи – потому, что королевство важнее нескольких жизней. Я повторял себе это целый год, изо дня в день. Говорил себе, что не должен держать на тебя зла, что будь у тебя возможность, ты бы непременно нас вытащил. Повторял это, глядя из тюремного окна на то, как моих друзей, подчиненных, людей, за которых я нес ответственность, хоронили на кладбище для преступников. Хоронили поверх других могил, без почестей и поминок. Я верил тебе, Эридан, верил *в тебя*. И не давал другим возненавидеть тебя. Я каждый день уверял их, что ты вытащишь нас, а если нет, мы должны смириться во имя Карадены, потому что ты делаешь все для нее. А чем же на самом деле занимался в это время ты? Что делал ты, на которого так надеялись, в которого так верили? Ты окончательно превратился в тряпку, стал ручным зверем на поводке у министров. Эридан, ты стал предателем. Как ты мог обвинить в измене человека, который лю-

бил тебя больше собственного сына? – в его тоне просквозила такая боль, что меня замутило. – Человека, который из кожи вон лез, чтобы оградить тебя от проблем, чтобы помочь тебе, потерявшему обоих родителей, выжить в этом жестоким мире. А что сделал ты? Ты даже не потрудился докопаться до правды. Министры сказали: «Изменник. Казнить». И ты поставил подпись на приговоре. – Рэйсел перевел дыхание, и его голос стал тише: – Скажи мне, за что? – боль сменилась усталостью и обреченностью. – Чем мой отец заслужил такое? Ты даже не позволил ему покончить с собой в темнице, казнил его самой позорной казнью – *ты его повесил*. Повесил человека, отдавшего тебе и Карадене всю свою жизнь. Так заслуживаешь ты после этого чего-нибудь, кроме смерти?

Я молчал. Хотелось просто провалиться сквозь землю. Если я еще мог извернуться и спасти от смерти Рэйсела, то Кэреда Гердера с того света уже не вернуть.

Что я мог сказать? Оправдываться? Просить прощения? Так разве такое прощают?

Оказалось, Рэйсел еще не выговорился.

– Это все же хорошо, что ты пришел, – вдруг снова заговорил он. – Я хочу тебе сказать, что не боюсь смерти. Уже достаточно ее посмотрелся. Слишком близко и слишком часто. Я думал, что ничего страшнее чадатейской тюрьмы мне уже не увидеть, но ошибся. Когда я узнал, что ты сделал с моим отцом, то пожалел, что не умер там. Поэтому можешь

тоже повесить меня, как его, можешь хоть четвертовать, хоть заживо сжечь на костре, я не стану умолять о снисхождении. Мне больше нечего бояться. Обо мне никто не будет плакать. Ты можешь обвинить меня в том же несуществующем заговоре, что и отца, и я не стану ничего опровергать, когда мне дадут последнее слово. Только ответь мне на один единственный вопрос: ты хорошо спишь по ночам?

Мне казалось, что голова сейчас расколется, как арбуз, и разлетится мелкими кусочками по полу... Я словно воочию увидел тех призраков, которые неотступно преследовали Эридана изо дня в день, те неуспокоенные души, которые сделали жизнь принца невыносимой и заставили исчезнуть из королевского замка.

Только куда?

Призраки молчали.

И я молчал вместе с ними.

Я пошатнулся, оперся рукой о влажную стену, уже не обращая внимания на слизь. Похоже, хватит проверять свою выдержку, мне здесь не место. Гердера не казнят, это я для себя четко решил, но пытаться с ним поговорить бесполезно.

Поймал на себе пристальный взгляд пленника, сейчас в нем не было ненависти, только подозрение. Видимо, мое молчание не подходило под обычное поведение Эридана. Но мне нечего было сказать, хотя и молчать дальше тоже нельзя.

– Послушай, – я заговорил, и сам удивился, как глухо прозвучал мой голос, – не надо всего этого, тебя не казнят. Я

сейчас же прикажу тебя освободить. И ты можешь покинуть Карадену, препятствовать тебе не будут.

Презрение и ненависть на лице Рэйнела сменились полнейшим неверием.

– И стража тебя послушается, если ты пойдешь против воли министров? – усмехнулся он.

Ну, если судить по реакции Ганса... И если я устрою еще парочку устрашающих сеансов промывания мозгов...

Костями лягу, но послушаются, потому что ни за что не позволю казнить этого ни в чем не повинного человека.

– Да, – уверенно ответил я.

Повисла пауза.

Рэйнел сверлил меня взглядом, и с каждой долей секунды что-то в выражении его лица менялось, но эти изменения были такими стремительными, что я не успевал понять, что они значат.

Наверное, мы стояли друг напротив друга минуты две. Я как раз решил выйти из камеры и приказать Гансу освободить пленника, когда Рэйнел облизнул пересохшие губы и отдельно спросил:

– КТО. ТЫ?

Я врос в землю прямо там, где стоял. Сердце ушло в пятки.

Что же такого «не Эриданского» я сделал, что он обо всем догадался?.. Но я немедленно осадил себя. Да кто сказал, что он что-то там понял? У страха глаза велики. Мало ли, что

Гердер имел под словами: «Кто ты?» Может, он сказал это, желая, чтобы принц признал, что он трус и ничтожество?

– Я тот, кто сейчас прикажет тебя отпустить, – ответил я, отбивая своим его пристальный взгляд.

Кажется, Рэйнел хотел еще что-то возразить, но потом передумал.

– Ладно, валяй, – неожиданно выдал он.

Черт, у него даже голос стал другим. Дружелюбным? Не может быть! Точно, догадался. И что, хотелось бы знать, теперь за этим последует?

Но в любом случае Гердер был невиновен, и я уже обещал его отпустить. Не собираюсь убивать человека ради собственной шкуры. К тому же, Мэл и Леонер обязательно что-нибудь придумают.

Я молча повернулся и открыл дверь.

– Ганс!

– Да, ваше высочество? – на пороге немедленно выросла массивная фигура стражника. Эк я его напугал, прямо-таки верный пес, был бы хвост, завилял бы.

– Освободи пленника.

У Ганса глаза на лоб полезли. То, что принц хочет побеседовать с арестованным до допроса, он еще мог понять – мало ли какие причуды случаются у этих венценосных особ. Но приказ освободить человека, только что покушавшегося на его же, наследника, жизнь, это как гром среди ясного неба.

Стражник стоял на пороге и часто моргал, не в силах

определить, не шутит ли его высочество. Но мне было не до шуток.

– Ты что-то не понял?

– Понял, ваше высочество. – Ганс кашлянул, видно, в горле пересохло. – Но министры категорически запретили даже ослаблять охрану этой камеры. Если преступник покинет подземелье, нам точно не сносить головы.

Интересно, кого он подразумевал под словом «нам»? Только стражу или заодно и меня? Судя по всему, действительно *всех*.

Меня снова обуяла ярость. Беззащитность одних и безнаказанность других – невыносимо!

– Снимай цепи, – прошипел я сквозь зубы. Ох и хотелось взять эти оковы и собственноручно придушить Сакернавена и остальную свору.

Стражник вздрогнул, будто я его и впрямь ударил, и завозился с ключами, очевидно, придя к выводу, что он хоть так, хоть так, не жилец.

Через минуту цепи с грохотом упали на пол, а Рэйнел отошел от стены, растирая руки.

– Хоть бы со стены плесень смыли, прежде чем приковывать, – проворчал он.

Ганс шарахнулся от него, как от чумного. В его понимании, Гердер был уже нежилец, а тут того освобождают, да он еще и возмущается.

Впрочем, замечание Рэйнела было более чем справедли-

вым, и я поспешил напомнить стражу, что расслабляться не следует:

– Вечером я лично проверю, что все пленники переведены с этого этажа в более пригодные для жизни условия.

– Конечно, ваше высочество, я немедленно...

Я не стал дослушивать его обещания и бесцеремонно потащил Гердера за рукав к двери, раз уж он уже догадался, что я не принц, бесполезно поддерживать дурацкий официоз, от которого и так тошнит.

– Можешь уехать из города прямо сейчас, – сказал я, едва мы выбрались из камеры.

В ответ Рэйнел фыркнул.

– Никуда я не собираюсь, пока не узнаю, где настоящий Эридан.

Доказывать, что я и есть настоящий принц, не было ни малейшего смысла, да и не хотелось совершенно. А потому я честно пожал плечами.

– Понятия не имею, где его носит. Но, в любом случае, когда министры узнают, что ты на свободе, они постараются это исправить. Поэтому тебе лучше не изображать лопату и докапываться до правды, а сматываться отсюда, – резче добавил я. Сам не знаю почему, но мне дико не хотелось, чтобы Гердера в конечном итоге все-таки казнили.

– Ну, лопатой меня еще не обзывали, – хмыкнул Рэйнел, но послушаться моего совета явно не собирался.

Я остановился на лестнице и в упор уставился на него.

– Убирайся из замка, если хочешь жить.

Рэйнел еще несколько мгновений испепелял меня взглядом, потом медленно кивнул.

– Хорошо. Но я вернусь.

Этот вернется – упрямый. Но будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас главное – от него отделаться до того, как министры узнают о моей выходке.

Мы поднялись на верхний этаж, наконец покинув подземелье.

– Что сделать, чтобы тебя выпустили из замка? – прямо спросил я, раз притворяться больше не имело смысла.

Гердер стрельнул глазами в сторону пункта охраны у выхода из подземелий.

– Пусть напишут пропуск.

– Отлично. – И я решительно направился к стражам, вытянувшимся передо мной по струнке. Неужели Ганс успел всех предупредить, что наследник буйствует? – Чего ждешь? – обернулся я, и Рэйнел, на этот раз без возражений, догнал меня.

Я был зол, очень, настолько, что не сомневался, стража напишет мне не только пропуск для Гердера, но и индульгенцию, если того пожелаю.

Глава 7

Говорят, что бесталанных людей не бывает, у всех есть к чему-то способности: у одних – к одному, у других – к другому. А у меня потрясающая способность наживать себе врагов.

Взгляды, которыми меня встретили министры на следующий день за завтраком, могли прожечь дыру в камне. Конечно, у меня был вариант отсидеться несколько дней в комнате, пока страсти не утихнут, но я не хотел прятаться. Вчерашнее бешенство и ярость до сих пор не улеглись, только стали чуть тише. Неважно, сколько мне суждено провести в этом мире, но я собираюсь его потрянуть.

– Принц, объяснитесь! – потребовал Сакернавен, едва я занял место за столом.

Лицо красное, глаза мечут молнии, но почему-то сегодня меня это ни капельки не впечатлило. Наверное, вчера так перенервничал, что у меня понизилась чувствительность.

Я невозмутимо положил себе еды в тарелку, есть хотелось, как-никак ночка выдалась бурная.

Над столом повисло молчание. Министры ждали ответа и, похоже, выбрали Сакернавена своим негласным лидером.

– Может, это вы мне сначала объясните, – медленно, четко выговаривая слова, произнес я, – каким образом охрана этажа была отправлена вниз на целый час?

Министр внутренних дел Холдер скрипнул зубами.

– Мы это выясняем.

– Я только надеюсь, вы не вздумаете использовать «все необходимые средства», чтобы добиться от начальника караула признания во всех смертных грехах? – почти ласково поинтересовался я и добавил чуть холоднее: – Не стоит.

Опять это переглядывание министров.

Эх, если бы я мог просто встать и объявить, что распускаю совет министров! Но играть в открытую нельзя, одно дело – препираться, дерзить, даже выпустить Гердера, а совсем другое – пытаться одним махом лишить их власти. Пока на моей стороне лишь один запуганный стражник, а на их – целая армия. Я все-таки не такой непроходимый дурак, чтобы верить, что успех, достигнутый запугиванием Ганса, удастся одним красноречием повторить с целым королевством. Стоит мне перейти грань, и будет не покушение, а убийство и открытый переворот.

Молчание затягивались. Чего они ждали от меня? Оправданий или обвинений? Скорее всего, судя по моему неадекватному поведению, ожидали в равной степени и того и другого.

Но суицидальными наклонностями я не страдал и сдал назад.

– Нет смысла искать виноватых, – сказал громко, чтобы меня услышали все присутствующие. – Давайте спишем все на досадное недоразумение и успокоимся?

Сакернавен не сводил с меня глаз, Крестный отец, тоже мне. Интересно, как ему удалось добиться такого авторитета, что все остальные министры ему в рот заглядывают?

Вдруг Сакернавен подарил мне уважительный кивок.

– А вы взрослеете, принц.

Ожидал, чего угодно, но только не этого. Что это? Временное перемирие? Что ж, пусть так, но, так как я, похоже, застрял здесь надолго, мне стоит немедленно искать доверенных людей, одного испуганного Ганса маловато.

Мельвидор и Леонер перехватили меня на подходе к покоям принца и практически силой затащили в комнату.

– Не слишком ли вы своевольничаете с его высочеством! – возмутился я, выдергивая локоть из цепких пальцев монаха.

Маг же тем временем привычно раскинул над покоем «Кокон тишины», и Леонер набросился на меня, уже не боясь огласки.

– Ты что себе позволяешь?! Ты куда полез?!

Я отступил от него на несколько шагов и с самым спокойным выражением лица, на которое был способен, сложил руки на груди и невозмутимо слушал. Интересно, что он имеет в виду? То, что я полез вчера в подzemелье? Или то, что приказал освободить Гердера?

– Ладно, тебе приспичило поговорить с Рэйнелом, хотя это верх глупости, потому что он знал Эридана как свои пять

пальцев. Но ты еще и наплевал на прямой приказ министров: запереть пленника, допросить и казнить! Нельзя с ними напролом! Нельзя!

– А Гердера вам совсем не жаль? – зачем-то спросил я, хотя ответ был очевиден.

– Конечно жаль! Но мы должны выбирать меньшее из зол! Значит, «мы»? Местоимения множественного лица снимают ответственность?

Я спокойно выдержал его бешеный взгляд.

– А мне казалось, что каждый выбирает для себя.

– Ребенок! Какой же ты ребенок! – Монах схватился за крест и возвел глаза к потолку.

Я же перевел взгляд на мага, до сих пор не проронившего ни слова.

– Мэл, а вы? Тоже так считаете? Не вы ли говорили, что я должен спасти несчастных послов?

Судя по тому, какое лицо стало у Леонера после этих слов, о нашем вчерашнем разговоре волшебник ему не сообщил.

– Говорил, – признал Мельвидор, бросив на друга умоляющий взгляд, мол, потом, погоди. – Но отпускать Рэйнела после покушения было верхом безрассудства. Он ведь может вернуться и закончить начатое.

– Не думаю.

В глазах волшебника зажглась догадка, тут же сменившаяся паникой.

– Он догадался?! – Маг вдруг схватил меня за плечо. –

Скажи, догадался?!

Не то чтобы я не доверял Мельвидору, но вдруг понял, что ни за что не признаюсь, что он угадал.

Я высвободил руку и на всякий случай отошел от них обоим.

– Ничего он не догадался, – соврал без зазрения совести. – Я обещал его отпустить, а он – больше не пытаться меня убить.

Но в глазах волшебника все еще была тревога.

– Ты уверен? – продолжил допытываться он. – Уверен, что Рэй ничего не заподозрил? Он ведь может сообщить министрам, и...

Что, интересно, «и»? Мы с ним будем болтаться на соседних веревках? Пардон, забыл, мне ведь светит четвертование, а не виселица. Нет, я не сомневался, что Гердер не пойдет к министрам.

– Уверен, – отрезал я, заканчивая тем самым дискуссию.

А вечером я наведалься в подземелье, где меня встретил сам начальник стражи и выглядывающий из-за его плеча запуганный мною Ганс. Начальника стражи вживую я видел впервые, но Мельвидор показывал мне его изображение, и я сразу его узнал.

Ролан Кор, подтянутый мужчина лет пятидесяти с проседью в волосах. Мне он понравился, не было в его глазах ни

страха, как у Ганса, ни снисходительности, как у Мельвидора, ни пренебрежения, как у министров. Прямой взгляд, серьезное лицо.

– Ваше высочество. – Он уважительно склонил голову в знак приветствия и коснулся левой рукой правого плеча – местный аналог отдания чести.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я, пытаюсь сдержать смех при виде испуганного Ганса, такое чувство, что стражник решил, что я пришел его убивать.

– Ганс доложил мне, что вы приказали перевести смертников на этаж выше, – снова заговорил Кор, и я кивнул, подтверждая, – но я вынужден сообщить, что не могу этого сделать. У меня был четкий приказ господина Холдера содержать их здесь.

Сначала я хотел возмутиться, но потом до меня дошло. Ну, какой же я идиот все-таки. Конечно же, Кор прав: он должен подчиняться непосредственно своему прямому начальству, а не всем подряд, пусть даже принцу. За стражу отвечает министр внутренних дел, а, стало быть, именно он должен отменять свой приказ и давать новый.

Я кивнул.

– В таком случае я немедленно согласую изменения с господином Холдером.

Кажется, Кор вздохнул с облегчением.

– Спасибо за понимание, ваше высочество.

Он снова отдал честь, а я кивнул и направился к двери,

проклиная себя за недогадливость. Говорили же мне, нельзя качать права, пока слишком мало знаешь.

Где обретается министр внутренних дел, не имел ни малейшего понятия, потому как на плане замка целое крыло было обозначено всего одним словом: «Кабинеты». Но сдаваться я не собирался. Раз уже начал, нужно было довести дело до конца. Поэтому поймал в коридоре одного из слуг и с великолепным королевским апломбом приказал проводить меня до кабинета господина Холдера. Слуга, ясное дело, удивился, но возражать не посмел и засеменял впереди меня, показывая дорогу. Похоже, уже ползамка решили, что наследник свихнулся.

Кабинет министра состоял из двух комнат, первая – что-то вроде приемной, где обнаружился его секретарь, вторая – непосредственно рабочее место Холдера.

Мой проводник тут же поспешил унести ноги, передав меня из рук в руки секретарю, который, в свою очередь, понесся докладывать министру о посетителе. И я остался в приемной один.

Прошелся по помещению, делая вид, что изучаю картины на стенах. Мне нужно было окончательно определиться с линией своего поведения по отношению к министрам. Мэл и Леонер призывали бояться их и лишний раз не отсвечивать, мое внутреннее «я» желало утереть им нос, но ни то, ни дру-

гое не может быть правильным, потому что впадать в крайности – это почти всегда ошибка. И, так как я застрял тут на неопределенный срок, похоже, мне придется искать пути взаимодействия с министрами.

Итак, просить или требовать?

Вернулся секретарь, отвесил мне поклон практически в пол и сообщил, что господин министр ждет. И я вошел в запахнутую дверь.

Так как я не испытывал симпатии к Холдеру после высказываний министра на Советах, то подсознательно ожидал, что его кабинет тоже вызовет у меня неприязнь. Ну там, тяжелая мебель, мрачные стены. Но я снова ошибся. Несмотря на хозяина, кабинет был довольно-таки уютен и максимально функционален: по стенам – стеллажи с книгами, в углу – буфет с напитками, у окна – письменный стол со множеством ящичков, стены светлые, как и шторы.

Холдер встал мне навстречу и склонил голову в приветствии, хотя на его тонких губах явственно промелькнула усмешка.

– Чем обязан, ваше высочество? – что сказало мне о том, что Эридан в жизни сюда не заживал.

– Я по делу, – я решил не тянуть кота за хвост и не ходить вокруг да около.

В глазах министра зажегся интерес, но на губах по-прежнему оставалась насмешка.

– В таком случае прошу вас, ваше высочество, – он указал

мне на стул напротив стола, а сам прошел к буфету. – Желаете что-нибудь выпить?

Мне хотелось сказать, что я не пью с людьми, которые мне неприятны, но сдержался.

– Нет, спасибо. – Опустился на предложенный стул.

– Как хотите. – Холдер равнодушно пожал плечами и плеснул себе в стакан какой-то жидкости янтарного цвета, потом вернулся за стол. – Вы уверены, что оправились после болезни, ваше высочество? Ваше внезапное рвение к делам королевства настораживает.

– Не уверен, – честно ответил я. – Частенько подташнивает.

Улыбка министра стала напряженной. А он совсем не дурак, вынужден признать, сразу понял, что именно я имею в виду.

– Так что вам нужно? – напрямик спросил Холдер, его глаза превратились в щелки. – Пришли обвинять меня в заговоре? Или надеетесь запугать, как мою стражу?

А он неплохо осведомлен...

Я покачал головой.

– Я, кажется, сказал еще за завтраком, что не собираюсь никого ни в чем обвинять. А про запугивание – что-то мне подсказывает, что вы не из пугливых.

Министр хмыкнул.

– Болезнь пошла на пользу вашей проницательности, ваше высочество.

Боже, какой великолепный словесный балет. Но я к таким па не привык.

– Я хочу, чтобы вы перевели узников с нижнего уровня на этаж выше, – сказал прямо.

– Зачем?

– Потому что там люди, а не скот.

– Смертники. – На лице министра появилось то же презрительное выражение, что и вчера у Ганса при разговоре на эту тему.

– Люди, – повторил я с нажимом.

– Содержание верхних камер обходится дороже. Это невыгодно, – возразил Холдер.

– Неужели королевская казна не может себе этого позволить?

Министр пожал плечами.

– За информацией о состоянии казны вам следует обратиться к министру финансов.

«И обращай, не сомневайся...»

Я молчал и прямо смотрел на него, не видя никакого смысла повторять свою просьбу, потому что он и так прекрасно понял меня с первого раза.

Министр отпил из своего стакана, загадочно глядя на меня поверх него.

– Зачем вам это, ваше высочество? – спросил он.

Потому что все мое существо протестует против подобного обращения с людьми. Потому что для меня это дикость и

варварство. Потому что... Да чего уж там, мне было много что сказать по этому поводу, но министра вовсе не интересовали мои искренние «потому что».

И я сказал совсем другое:

– Считайте этой моим капризом, блажью. Но я этого хочу.

Министр смерил меня внимательным взглядом, взвешивая мои слова. Он, как и остальные, ни во что не ставил Эридана, но и открыто лезть на рожон ему тоже было не с руки. Куда проще кинуть собаке кость, чтобы не мешалась под ногами.

– Хорошо, ваше высочество, – согласился Холдер, – если для вас это имеет значение, конечно же, я прикажу сделать так, как вы хотите.

– Благодарю.

– Но впредь настоятельно прошу обсуждать такие дела сначала со мной, а уже потом с моими стражниками.

Вежливые слова, а вот в голосе прямая угроза. Что ж, я оценил его мастерство ведения дел.

– Непременно, – улыбнулся ему и поднялся. – До свидания.

Я снова принялся за обучение с еще большим рвением. Мне хотелось знать больше, чтобы иметь возможность играть с министрами на равных. Вот только их одиннадцать, а я один. И, хотя Мельвидор и Леонер все время держались

поблизости, я все равно чувствовал себя одиноким.

Прошла еще неделя, ничего не происходило. Эридана так и не нашли. Министры меня не трогали. Леонер больше не злился. Мельвидор просвещал о делах королевства и призывал быть осторожнее.

Итак, прошло больше месяца моего пребывания в Карадене и, следовательно, столько же со дня отсутствия настоящего принца. А ведь за месяц уже могли перевернуть все королевство вверх дном. Это же не какой-то там крестьянин, это принц, которого знает в лицо каждый второй. Так почему же его до сих пор не нашли?

Я уже начал сходить с ума от однообразия жизни, когда, наконец, произошло нечто новое. Марон перехватил меня в коридоре по дороге с ужина и сунул в руку записку.

– Что это? – удивился я.

Паж пожал плечами.

– Просили вам передать.

– Кто? – Хотя я почему-то даже не сомневался, кто бы это мог быть.

Марон нахмурился, имени он не знал.

– Высокий, молодой, волосы темные, глаза зеленые, – отчеканил он.

Значит, я угадал. Я, конечно, не настолько наблюдательный, чтобы успеть рассмотреть цвет глаз, но ни на мгновение не усомнился, что это тот, о ком я думаю. Обещал же вернуться.

Я поблагодарил Марона и направился в свою комнату. Самой разумной мыслью было сжечь записку, не читая, и ни во что не ввязываться, как и советовали Мэл и Леонер. Но разумные мысли в моей голове настолько редкие гости, что и эта долго не прижилась.

Я заперся в комнате, включил свет и развернул переданную записку. Послание было коротким, всего две строчки, написанные размашистым, но в то же время аккуратным почерком: «Полночь. Задний двор. Выход для прислуги». Никакой подписи не значилось. Гердер думал, что я догадаюсь сам, или заранее знал, что Марон опишет мне того, кто попросил его передать записку?

А что, если это ловушка? Вдруг Мэл прав, и Рэйнел мог вступить в заговор с министрами?

Эта мысль показалась самой бредовой. То, как Гердер говорил тогда в подземелье... Нет, вряд ли.

В этот момент в дверь постучали, и я воровато спрятал записку в карман.

– Ваше высочество, это я, – раздался голос волшебника.

Я беззвучно выругался и поплелся открывать. Если он прознал про тайное послание, то запрет меня за семью замками.

Но, кажется, я зря боялся, Мельвидор выглядел совершенно спокойным, но сразу же заметил мой встревоженный взгляд.

– Я просто зашел проведавать тебя, – ответил маг на невы-

сказанный вслух вопрос. – Не пугайся.

Я запер дверь.

– Лучше бы вы пришли сообщить мне, что Эридан нашелся.

– Чего не могу, того не могу, – развел руками волшебник и кивнул на стул. – Можно?

Я дернул плечом.

– С каких пор вы спрашиваете? Мы же одни.

Но Мэл не сводил с меня тревожных глаз.

– Я беспокоюсь за тебя, мой мальчик.

– По поводу? – не понял я.

– Ты меняешься, становишься замкнутым.

Я чуть было не рассмеялся. Можно подумать, обстановка в замке располагает к общению. Или кто-то горит желанием со мной пообщаться?

Вздыхнул и тоже сел.

– Мэл, ищите Эридана, со мной все нормально.

– Вот это меня и беспокоит, – не сдавался старик. – Ты больше не жалуешься.

Я задумался. Неужели правда не жалею? Не заметил. Хотя с удовольствием бы кому-нибудь пожаловался, если бы это помогло. Вот только толку жаловаться? Да и кому? Ему? Министрам? Или, может, Господу Богу?

– Андрей, – я вздрогнул от звука своего настоящего имени. – Пообещай, что, если тебе понадобится с кем-то поговорить, ты немедленно позовешь меня. Мне очень стыдно

перед тобой и очень жаль, что ты попал сюда по нашей вине. Я правда хочу тебе помочь. Ты не должен быть один. Если нужно выговориться или посоветоваться, я всегда к твоим услугам.

Я смотрел на него и молчал. Записка в кармане вдруг стала тяжелой. О да, мне нужно было посоветоваться. Вот только я заранее знал, что скажет мне волшебник, стоит мне заикнуться о встрече с Гердером.

Молчание затянулось, и, изобразив беспечную улыбку, я отмахнулся.

– Не разыгрывайте драму. Все нормально настолько, насколько может быть.

Но глаза мага словно пытались просветить меня насквозь. Хотел бы я знать, что он хотел во мне разглядеть. И с чего это ему вообще взбрело в голову меня утешать?

– Хорошо. – Мэл удовлетворенно кивнул и собрался уходить. – Но если тебе понадобится помощь, не забывай, я всегда рядом.

– Стойте! – вдруг спохватился я. Какой же осёл, обещал ведь, а потом совсем из головы вылетело.

– Да? – Маг с готовностью опустил обратно на стул, словно и ждал, что я сейчас же начну рассыпаться просьбами.

– Вы можете мне помочь? Нужно поменять обстановку в покоях короля, выкинуть все это золото, открыть, наконец, шторы, а еще непременно найти кого-нибудь знакомого, что-

бы ухаживал за ним, кого-нибудь из слуг, кто служил еще ему и кому он доверял.

Брови Мельвидора взметнулись куда-то к колпаку. Похоже, он ожидал от меня чего угодно, но только не этой просьбы.

– 3-зачем? – запнувшись, спросил он.

Ну вот, и он не понимает...

– Да потому что так нельзя! – я не выдержал, встал и заходил по комнате. Я не оратор, мне нелегко передать словами всю глубину чувств, которые испытал в покоях короля, но я попытался. – Я все сделал, чтобы улучшить условия содержания заключенных, потому что они люди, а не животные. А король – он ведь не растение в позолоченной чаше, он тоже человек, а всеми брошен, лежит там на золотых перинах совсем один и никому – совершенно никому! – нет до него дела.

– Андрей...

– Да знаю я, – перебил, понимая, что сейчас скажет маг, – знаю, что я не Эридан, и он не мой отец. Но я хочу хоть что-то изменить, пока я здесь.

– Я тебя понял, – выдохнул волшебник. – Я сделаю все необходимое.

– Спасибо. – Я вдруг покраснел и смутился от эмоциональности своей речи.

– Это тебе спасибо. – Мельвидор как-то странно посмотрел на меня, а потом быстро встал и направился к выходу.

Я провожал его взглядом, пока дверь не захлопнулась, а потом упал на кровать вниз лицом. Этот безумный мир сводил меня с ума.

Глава 8

Полуночи я еле дождался, успев три раза передумать идти. Но потом все-таки решился. Не знал, какая может быть польза от разговора с Рэйнелом Гердером, зато опасность, если попадусь, была вполне реальна. Но я также понимал, что если не пойду, то сойду с ума от любопытства. Кроме того, Гердер оставил о себе хорошее впечатление, и я почти не ждал от него подлости. Я сказал «почти»? Именно почти, потому что уже понял, что в этом мире можно ждать удар в спину от любого.

Нашел в одном из бездонных шкафов Эридана плащ с капюшоном, натянул его на себя и вышел из комнаты без четверти полночь.

У моих покоев, как и все последние ночи, обнаружился Ганс. С «великодушного» позволения министра Холдера и договора с начальником стражи, Ганс был выделен в качестве моей постоянной ночной охраны. Не то чтобы я действительно ему доверял и считал, что он сумеет меня защитить в случае нового покушения, но попросил его у Кора специально на случай, если мне придется сбежать куда-нибудь ночью. Боящийся меня Ганс уж точно не побежит докладывать министрам о моем уходе, а это было как раз то, что доктор прописал.

При виде меня стражник судорожно сглотнул и вытянулся

руки по швам.

Я хмыкнул, довольный произведенным эффектом, потом приблизился и прошептал:

– Ты меня не видел. Я мирно сплю в своих покоях.

– Слушаюсь, ваше высочество!

– Тс-с-с! – Я поднес палец к губам, не хватало еще, чтобы нас кто-нибудь услышал. Ганс торопливо закивал. – Вот и молодец, – похвалил я и хотел было уже уйти, но снова остановился, обернулся. – Вот еще что, Ганс. Если я не вернусь до утра, иди к его могуществу Мельвидору и расскажи всю правду.

Имя мага вызвало у стражника новый приступ страха, но он снова с готовностью кивнул и ударил себя по плечу.

– Отлично, – пробормотал я, натянул капюшон на голову и зашагал по коридору.

План замка я мог бы нарисовать с закрытыми глазами, даже если бы меня разбудили среди ночи, поэтому найти выход для прислуги не составило труда. Правда, я боялся наткнуться на охрану, которая, по идее, должна была быть выставлена у каждого входа-выхода из замка, но около желанной двери никого не было. Значит, Гердер все продумал, или сам убрал охрану, или подкупил. Как же все у них просто: заходи в королевский замок, кто хочет, неси, что сможешь...

Остановившись у заветной двери, я помедлил, понимая,

что это на самом деле может быть новым изощренным покушением. Потом решил, что проверить это могу одним единственным способом – на своей шкуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.